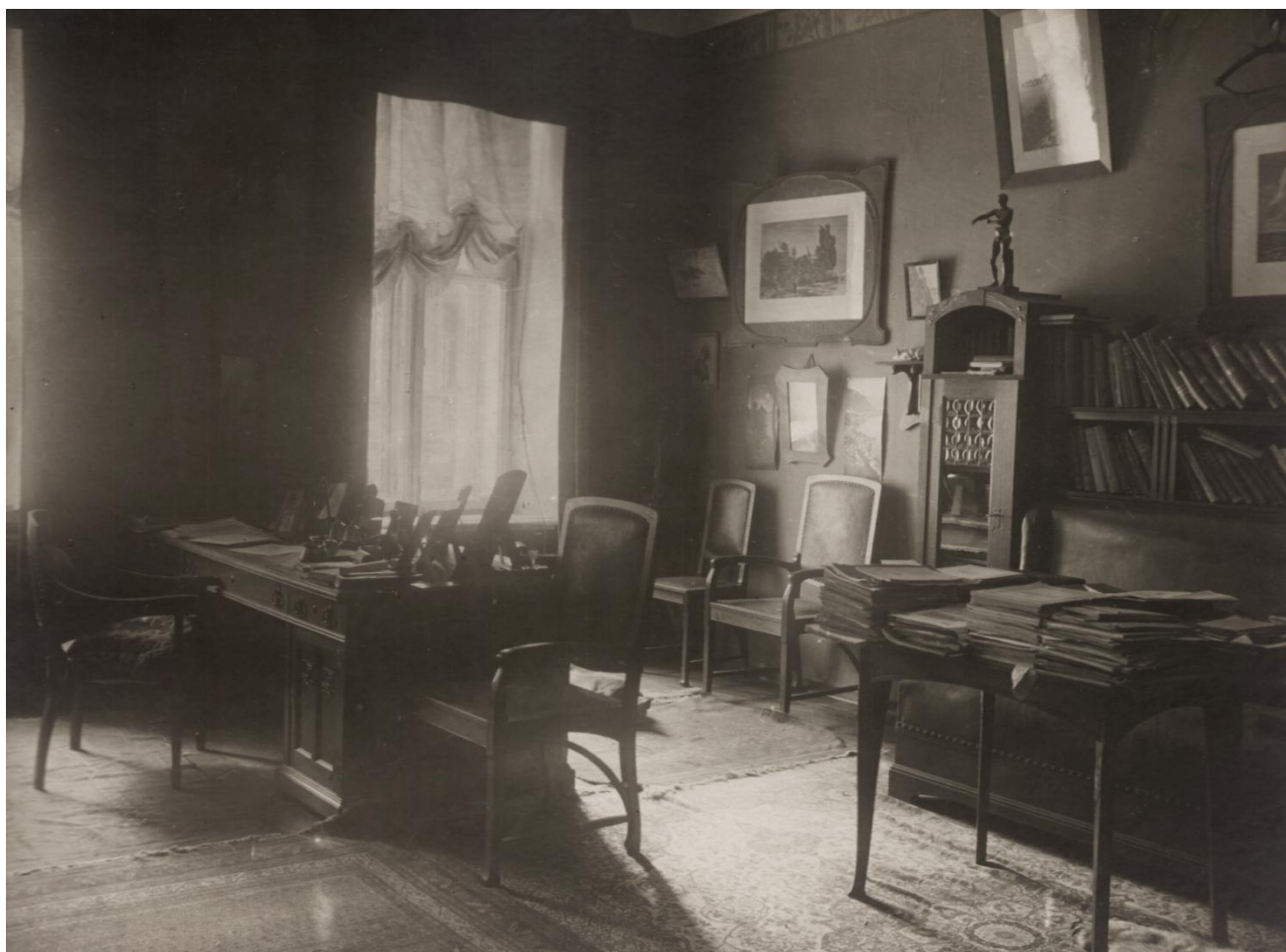

Самая последняя версия, январь 2018 г.

«Жизнь после жизни»

Р.Э. Классон, как известно, умер от «паралича сердца, миокардита» (по-современному, от инфаркта) 11 февраля 1926 года на заседании в ВСНХ после горячей речи. Это заседание было посвящено трудностям со снабжением электростанций топливом. Этой же теме были посвящены две последние публикации Роберта Эдуардовича: «План или жизнь» и «Кризис топлива и роль торфа». Последняя его статья была напечатана в «Торгово-промышленной газете» 17 февраля, т.е. посмертно.

*Кабинет Р.Э. Классона в служебной квартире
(снимок 1926 г.)*

Если бы Роберт Эдуардович умер в 1919-м или 1920-м, то таких торжественных похорон, которые ему устроили безутешные сослуживцы и начальство МОГЭС, конечно, не было бы:

Жизнь, братцы мои, совершенно становится нормальной. Все определенно достигает довоенного качества. Даже такая житейская мелочь, как похороны, и те заметно приобретают довоенный уровень. Снова появились фигурные колесницы. Гробы опять-таки выпускаются с ручками. Факельщики ходят. Некоторые частники затягивают лошадей сетками, чтобы грубый вид животного не оскорблял родственника.

Провожающие родственники тоже заметно подтянулись: идут кучно, не вразброд. Многие, несмотря на мануфактурный кризис, по-прежнему украшают свои шляпки черным коленкором.

Не очень давно я даже видел, как впереди шествия кидали еловые ветки и сучки. Правда, ветки эти тут же моментально подбирали сзади идущие родственники и прохожие, и даже в некоторых местах происходила свалка, но от этого пышность обряда нисколько не уменьшалась.

Вообще говоря, все приходит в свою норму. Прямо помереть приятно. А в каком-нибудь в двадцатом году да разве ж обращали внимание на какие-нибудь такие обряды? <...> Спасибо, братцы мои, что не подох я в двадцатом году. Сейчас все-таки себя, через эти обряды, вроде как человеком чувствуешь. (Михаил Зощенко. Суета сует. 1926)

Правда, похороны Р.Э. Классона 14 февраля представляли собой, по-видимому, некоторую смесь из старых дореволюционных и новых агитационно-коммунистических обычаев: в церкви его, крещеного, не отпевали, зато вместе с поминками был устроен вечер памяти в клубе МОГЭС «Красный Луч» (пришлые «генералы» из наркоматов и «генеральша» Н.К. Крупская и местные начальники и служащие произносили пламенные речи); гроб везли на фигурной колеснице, запряженной то ли шестеркой, то ли даже восьмеркой вороных лошадей с импозантными форейторами, а процессия сделала краткую остановку на Красной площади, у временного, деревянного мавзолея «вождя мирового пролетариата». Перед мавзолеем были склонены знамена и траурные стяги, оркестр исполнил Похоронный марш. Похоронная процессия растянулась более чем на версту.

Посмертный снимок, февраль 1926 г.

«При выносе тела из квартиры покойного присутствовали представители Госплана и ВСНХ (Г.М. Кржижановский и И.И. Радченко), работники Главэлектро, МОГЭС, московских электростанций, а также рабочие организации и члены Всесоюзной ассоциации инженеров с траурными стягами». В шубе и малахае с черной вуалью – Е.Н. Сомчевская-Виноградова-Классон?

Так что эти похороны стали, скорее всего, заметным событием в «политико-культурной» жизни столицы. Газеты тоже отметились на эту тему (см. Приложения «Памяти Р.Э. Классона» и «М.О. Каменецкий. Роберт Эдуардович Классон»).

Как мы далее увидим, если бы Р.Э. Классон дожил до 1930-го, то весь почет и уважение 1926-го превратились бы в обливание грязью «врага народа и руководителя террористической организацией в МОГЭСе», умершего, скорее всего, во внутренней тюрьме Лубянки. Но этого, слава Богу, не случилось...

15 февраля 1926 года состоялось заседание правления МОГЭС «По делу об увековечении памяти и обеспечении семьи умершего Члена Правления МОГЭС и Директора 1-й Московской Государственной Электрической Станции имени тов. Смидовича инженера Роберта Эдуардовича Классон». После пространной преамбулы шел такой текст резолюции:

Правление МОГЭС, принимая во внимание выдающиеся услуги, оказанные умершим делу социалистического строительства страны, считает своим долгом ходатайствовать перед Правительством:

«Траурная процессия направилась на [Новодевичье] кладбище через Красную площадь, где около [деревянного] мавзолея В.И. Ленина была сделана краткая остановка»

1) Об увековечении памяти Р.Э. Классона.

Р.Э. Классону первому пришла в голову мысль утилизировать в России местное дешевое топливо, для чего он спроектировал и построил первую районную станцию «Электропередача», в целях передачи электрической энергии на дальнее расстояние в Москву. В тяжелые годы, 1918-21, главная работа по электроснабжению Москвы пала на станцию «Электропередача», выстроенную по инициативе Р.Э. Классона и сыгравшую в годы революции такую крупную экономическую и политическую жизнь.

Поэтому станция «Электропередача», являющаяся в полном смысле этого слова творением рук Р.Э. Классона, имеет все основания именоваться его именем. Тотчас же по получении известия о смерти Р.Э. Классона на станции «Электропередача» состоялось экстренное собрание рабочих и служащих, которые единогласно вынесли постановление о присвоении этой станции имени Р.Э. Классона.

2) Об обеспечении семьи Р.Э. Классона.

После умершего Р.Э. Классона осталась семья, состоящая из жены, двух сыновей, которые в настоящее время продолжают образование в высших учебных заведениях в Германии, совершеннолетней дочери* и двух замужних дочерей. Семья осталась без всяких средств. Поэтому Правление МОГЭС ходатайствует о назначении вдове Р.Э. Классона наивысшей пенсии, а двум сыновьям впредь до окончания ими образования – стипендий. Дабы не отягощать общегосударственного бюджета выдачей этих сумм, было бы вполне возможным выдавать как пенсию, так и стипендии сыновьям за счет Московской станции, которую Р.Э. Классон построил и которой руководил свыше 25 лет. Всего покойный проработал в электропромышленности около 35 лет.

---

* Екатерины Робертовны, родившейся в 1901-м.

Указанные мероприятия являются не только актом известной справедливости по отношению к умершему Р.Э. Классону, но и в политическом отношении представлялись бы весьма желательными, являясь лучшим доказательством правильной оценки Советским Правительством работников-специалистов, так горячо и беззаветно служивших целям и задачам, которые ставило и ставит Правительство.

В марте 1926-го Совнарком РСФСР переименовал «Электропередачу» в Государственную электрическую станцию имени инженера Р.Э. Классона. А в Тимирязевской академии президиум ВСНХ учредил на торфяном факультете две стипендии имени Р.Э. Классона для лиц, работающих над обезвоживанием торфа (по 100 руб./месяц). В сборнике «Памяти Р.Э. Классона» не приводятся размеры «наивысшей пенсии» вдове Е.Н. Классон и стипендий двум сыновьям – Ивану и Павлу. Последняя была обозначена единственным раз в показаниях П.Р. Классона по «делу о шпионаже против СССР в пользу Германии» – 200 червонных рублей.

Однако в ф. 9508 РГАЭ сохранилась копия следующего документа, направленного в апреле 1926-го из Президиума ВСНХ РСФСР в Правление МОГЭС:

Согласно постановления СНК РСФСР от 2 марта 1926 г. настоящим разрешается Правлению МОГЭСа:

1. Выплачивать сыновьям инженера Р.Э. Классона Ивану Робертовичу Классону и Павлу Робертовичу Классону стипендии по 200 р. в месяц каждому до окончания ими образования, однако не более 2½ лет – Ивану Робертовичу Классону и не более 4½ лет – Павлу Робертовичу Классону, считая со дня смерти Р.Э. Классона.

2. Выплачивать вдове инженера Р.Э. Классона Евгении Николаевне Классон пожизненную пенсию в размере 225 р. в месяц.

Не приостанавливая текущих выданных сыновьям инженера Классона, разработать правила выдачи стипендий сыновьям инженера Классона и представить проект означенных правил на рассмотрение ВСНХ РСФСР.

В том же постановлении СНК РСФСР от 2 марта 1926 года содержался и такой принципиальный пункт:

Не предвещая вопроса о дальнейших расчетах по передаче ВСНХ наследниками Р.Э. Классона и остальными изобретателями патентов прав на патенты по заявкам и дополнительным усовершенствованиям, указанным в проекте договора, утвержденного 11 февраля 1926 г. Председателем Э.К.О.С.О. РСФСР тов. Лежавой, признать необходимым произвести наследникам Р.Э. Классон платеж денег, которые должны были причитаться ему согласно проекта договора из расчета 6 000 руб. в год за три года, считая с 1 октября 1923 г., т.е. всего 18 000 руб.

И.Р. Классон, как редактор, не поправил следующую фразу в рукописи М.О. Каменецкого и, выходит, был с ней согласен: «Первые заявки (на размыв струей и торфосос) были поданы 23 октября 1917 г., последние заявки – в 1925 г. После длительных переговоров и рассмотрений ВСНХ приобрело у изобретателей право эксплуатации изобретений; в отношении Классона это произошло посмертно: вознаграждение получили его наследники».

В письме на имя И.В. Сталина от 17 ноября 1944 г. вдова Е.Н. Классон упоминала:

Семье Роберта Эдуардовича было выдано после его кончины всего 22.000 руб. (не считая удержанных 6.000 руб., задолженных им при жизни). Из этой суммы третья часть была получена мной. (ф. 5446 ГАРФ, СНК-Совмин СССР)

Правление МОГЭС постановило также «издать сборник памяти выдающегося инженера Р.Э. Классона, в котором хотя бы в самых скромных размерах отметить роль и значение покойного в хозяйственной жизни Союза».

Собственно благодаря этому сборнику мы и имеем редкую возможность привести воспоминания сослуживцев и современников о Роберте Эдуардовиче, «трогательно зажившем после жизни».

В.Д. Кирпичников на вечере его памяти 14 февраля дал достаточно развернутую характеристику своего учителя и коллеги:

Характерным было отношение Р.Э. к опасности, которую он встречал всегда лицом к лицу, беря на себя самую ответственную и в то же время самую опасную работу. Мне пришлось совместно с ним участвовать в целом ряде аварий, и я всегда поражался той смелостью, распорядительностью и присутствием духа, с которыми он их ликвидировал. Много раз в его руках рвались многоамперные высоковольтные предохранители, рядом и над ним перекрывало оглушающе ревущей вольтовой дугой высоковольтные сборки, и, тем не менее, он снова в следующую аварию опять бросался в самые опасные места.

Будучи человеком дела в лучшем смысле этого слова, Р.Э. совершенно не выносил канцелярщины, бумажной волокиты, потока анкет, безответственного контроля и многочисленных комиссий и, по иронии судьбы, умер на заседании комиссии по топливу.

Что еще поражало в его отношении к работе на станциях – это безграничная любовь к предприятию, которым он управлял. Причем любовь его распространялась как на неодушевленное – машины, здания, как на динамику предприятия, на движение всего потока энергии, которая из топлива превращается в электрический ток, так и на весь обслуживающий персонал, составлявший одно целое с этой неорганической природой. Р.Э. умел этот обслуживающий персонал спаять в коллектив, дисциплинированный и преданный своему делу. Он умел подбирать людей и заражать их своей любовью к предприятию, а это для электрической станции, работающей непрерывно, имеет громадное значение.

К старшим своим помощникам, старшим и средним инженерам Р.Э. был [весьма] требователен. От лиц, получивших техническое образование, он требовал дальнейшего совершенствования и проявления в работе тех качеств, которые были присущи ему – любви к делу, чувства долга, работоспособности, серьезного и вдумчивого подхода ко всем вопросам, энергии и настойчивости, распорядительности и отсутствия страха в минуты опасности. На сто процентов его никто не удовлетворял, но, тем не менее, он сумел объединить вокруг себя большое число крупных инженеров, которые шли за ним, как за вождем, и горячо любили его.

Наоборот, к рабочим он был чрезвычайно снисходительным и никогда ни одного из них не уволил за ошибку. Будь та ошибка невольной или происшедшей вследствие небрежности. Р.Э. неоднократно говорил, что тот инженер или рабочий, который ошибся и видел результаты своей ошибки, в будущем никогда этой ошибки не повторит, и потому он гораздо более ценен для предприятия, чем работник никогда не ошибавшийся. Р.Э. совершенно органически ненавидел только сознательное нежелание добросовестно работать и ложь и боролся с этими недостатками беспощадно.

Как во время своей деятельности в период капитализма, так и после октябрьской революции Р.Э. всегда защищал материальные интересы рабочих сначала перед капиталистами, за что имел неоднократные неприятности, а потом и перед Государством, причем он всегда говорил, что каждый рабочий и инженер должен быть поставлен в такие условия, чтобы своим личным отношением к делу мог повысить как свой заработок, так и свое положение. И, действительно, из рабочих, служивших под начальством у Р.Э., со временем выработалось много хороших механиков, занимающих ныне большие должности. (здесь и ниже – из сборника «Памяти Р.Э. Классона»)

Далее В.Д. Кирпичников, не один год проработавший со своим шефом, опять же весьма подробно остановился на деятельности Роберта Эдуардовича как учителя молодого поколения:

В академическом смысле этого вопроса он никогда никого не учил. Но, тем не менее, у него имеются сотни и тысячи учеников и последователей. Ведь тридцать лет тому назад, когда он начал работать в электротехнике, не было ни одного русского инженера или электрика-практика, который умел бы обращаться с трехфазным током и многочисленными приборами, с которыми мы в настоящее время имеем дело.

Стоя во главе целого ряда электрических станций, Р.Э. всегда сам разбирался в этих приборах, учился с ними оперировать и затем обучал этому своих ближайших помощников, которые распространяли эти знания и опыт, в свою очередь, среди своих помощников и последователей. Сотни инженеров, работая в качестве помощников Р.Э., пользовались его повседневными указаниями и приобретали от него как положительные знания, так и самое умение эти знания применять с пользой для дела. Сотни инженеров, получивших практический стаж под руководством Р.Э., работают в настоящее время в Союзе, и многие из них занимают весьма ответственные посты.

За шесть лет работы в Баку Р.Э. особенно много времени посвятил студентам-практикантам. За это время под его руководством работало свыше ста студентов. Еще зимой 1903 года из разговоров в Технологическом Институте я узнал, что лучшая практика, как в смысле отношения директора, так и в смысле интересности работы – это практика у Р.Э. на Бакинской электрической станции. Я решил во что бы то ни стало туда поехать. Получивши рекомендацию от профессора Явейна, я сумел попасть на практику и там познакомился с Р.Э., который показался мне идеалом инженера и директора.

От практикантов он требовал серьезного и вдумчивого отношения к делу, предоставлял и требовал полной самостоятельности и конкретного подхода к делу, учил нас, что каждый инженер должен одновременно заниматься несколькими вопросами, заставлял учить иностранные языки, главным образом немецкий и английский, и читать техническую литературу. Выполняя сам различные работы раньше, чем поручить их своим помощникам, он совершенно не терпел белоручек. Я думаю, что роль Р.Э. в практическом воспитании ныне работающих на электрических станциях инженеров очень велика и, во всяком случае, во много раз больше, чем если бы он работал как профессор высшего учебного заведения.

Андрей Николаевич Ефремов, сослуживец Р.Э. Классона по МОГЭС, дал ему такую развернутую, человеческую характеристику:

Р.Э. был нежным семьянином, любящим мужем и любящим отцом. Взаимоотношения его с детьми были чисто товарищеские, совершенно равные, и каждый их успех его чрезвычайно радовал и он никогда не уставал рассказывать об этих успехах. После него осталась вдова (он был женат вторым браком) и пятеро детей от первого брака, из них – два сына и три дочери.

Отдых от своей огромной работы Р.Э. признавал только на охоте. Охотник он был страстный, увлекающийся. Во время глухариного тока выезжал в глухой лес в два-три часа утра, где залегал в шалаше со своим большим приятелем, егерем тов. В. Мамуниным, тоже страстным охотником. «Вот, смотрите на мои трофеи, сразу каких двух богатырей уложил, увлеклись подлецы в своей драке», – говорил Р.Э., показывая двух великолепных глухарей, привезенных им с охоты. «Я испытываю чувство зависти к другим только на охоте», – частенько высказывался Р.Э., в особенности когда, как он сам говорил – «пропуделяет», что правда бывало с ним редко, по лисице или волку, или если зверь вышел не на его номер, а на номер соседа.

*Охота в Подмосковье (второй справа – Р.Э. Классон),
фото с сайта www.mosenergo-museum.ru*

Увлекался Р.Э. также ездой на велосипеде. В Баку – увлекался верховой ездой. Стрелок он был чрезвычайно меткий и, например, при состязании с револьвером в своем [студенческом] кружке, он обстреливал всех.

В обществе Р.Э. был всегда центральной фигурой, всегда любезен, со всеми одинаков, всем находил что сказать и отличался особенным, своеобразным, чисто «классоновским» остроумием. Его милые шутки, острые словечки и живая беседа всегда восхищали всех. В особенности нужно отметить его глубокое уважение к женщинам, к которым он относился всегда с особой предупредительностью, не взирая ни на какой ранг.

Р.Э. в личной жизни был очень прост. Вставал всегда рано: зимой в 7 часов утра, а летом, на своей любимой «Электропередаче», зачастую уже в 5 часов утра его можно было видеть шагающим от торфососа к торфососу, за работой которых он наблюдал и давал личные указания и разъяснения мотористам, крановщикам и десятникам. Характерно отметить, что Р.Э. не терпел совершенно никаких услуг для себя и обслуживал себя всегда сам. Даже больной он не допускал, чтобы ему оказывали самые необходимые услуги: «Зачем, зачем, я сам могу все это сделать».

Р.Э. в совершенстве знал русский язык, и его письма – и деловые, и личные – отличались особенной яркостью и образностью, так же чисто «классоновским» стилем. Р.Э. обладал также и тонким художественным вкусом. Он очень любил музыку и пение, понимал их, и о музыкальных произведениях и их исполнении подчас давал такие меткие отзывы, что им мог бы позавидовать любой заправский рецензент. Он очень высоко ценил музыкальное образование горячо любимой им своей жены Е.Н. Классон.

Любил Р.Э. природу, понимал ее, очень интересовался жизнью диких животных и птиц. Он был неутомим в ходьбе. Совершая прогулки или осмотры полей гидроторфа, он до последних дней бодрым шагом мог ходить по несколько часов подряд.

И часто спутники его – молодые инженеры взмаливались о пощаде и просили, как говорил Р.Э., «пardonу», а сам он хоть бы что, мог бы проходить еще час-другой без всяких признаков усталости.

Воспоминания Н.К. Крупской о Роберте Эдуардовиче на вечере его памяти в 1926-м стоят особняком. Ведь они какое-то время до большевистского переворота регулярно пересекались, но это было так давно. А в советские времена их встреча в 1920-м оказалась единственной. Тем не менее, Надежда Константиновна вполне прочувствованно вспоминала и давние времена, и последние встречи (частично эти воспоминания приводились в очерке «Марксизм проник в Технологический»):

В 1895 г. Р.Э. входил в группу, работавшую над составлением сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». В группу входили Струве, Потресов, Р.Э., Владимир Ильич, Степан Иванович Радченко, Старков. В группе шли горячие споры. Каждая статья тщательнейшим образом обсуждалась. В.И., рассказывая об этих собраниях, часто приводил то или другое верное и остроумное замечание Р.Э.

<...> Потом и В.И, и я не виделись с Р.Э. многие годы. В.И. встретился с ним уже тогда, когда была совершена революция, когда уже была Рабоче-Крестьянская Власть. В.И. не раз рассказывал о своих разговорах с Р.Э. В.И., конечно, понимал прекрасно значение техники, значение крупной промышленности, как базы социализма, и поэтому особенно интересовался всем, что касалось возможности крупного размаха в области строительства промышленности.

Однажды он принес рукопись Р.Э. В этой рукописи, с одной стороны, развивались большие планы с большим размахом, с другой стороны, была деловая критика тех обстоятельств, которые мешают развитию техники в данных условиях и которые требуют тех или других изменений для того, чтобы техника могла делать быстрые успехи. В.И. к этой рукописи Р.Э. отнесся с большим вниманием и не раз перечитывал ее.* Как-то пришел В.И. и говорит, что Р.Э. хочет со мной поговорить. И вот мы встретились с Р.Э. после двадцати пяти лет [разлуки]. Не очень складный разговор вышел, как всегда бывает, когда так долго люди не видятся, а от разговора осталось впечатление: разными путями к одной и той же цели.

То, что с самого начала говорилось, что лежит в основе марксизма, это высокое развитие техники, как базы социализма, с одной стороны, и с другой стороны – упорная работа над организацией перестройки всего общества. Тут одна балка крепит другую. Это был мой последний разговор с Р.Э. Больше мне не пришлось его видеть. <...> Но образ Р.Э., как человека с крупным размахом, как человека и в своей специальности умевшего подойти по-марксистски, как человека чрезвычайно вдумчивого, весьма тонкого, по-товарищески умевшего относиться к людям, остался у меня и останется до конца жизни.

Оставим в этих воспоминаниях без особого внимания эпитеты, показывающие идеологическую зашоренность Н.К. Крупской, и запомним чисто человеческую характеристику Р.Э. Классона со стороны жены первого вождя РСФСР-СССР.

---

* Речь идет об уже упоминавшейся докладной записке «В ГОЭЛРО» от 25 ноября-1 декабря 1920 г.

В апреле 1926-го на Москве-реке случилось небывалое наводнение. Советские газеты, конечно, не прошли мимо этого эксцесса, а берлинский «Руль» перепечатал из них:

Москва-река сегодня [(23 апреля)] выступила из берегов и в центре города. Вода достигает кремлевских стен. В низко расположенных кварталах вода заливает целые улицы. Вода продолжает подниматься. Человеческих жертв нет.

Небывалый с 1908 г. разлив Москвы-реки вызван продолжительной зимой. Теплая погода установилась лишь несколько дней тому назад. 21 и 22 апреля над Москвой пронеслись сильные грозы. 22-го утром на Москве-реке начался ледоход. К вечеру он окончился. Ночью река выступила из берегов. Так как разлив не был неожиданным, то заранее были приняты меры борьбы с наводнением. Повсюду входы и окна в подвалы были наглухо закрыты. Устроены спасательные станции, приготовлены повозки для оказания помощи людям, если вода будет им угрожать. Весь район наводнения оцеплен милицией и конными частями красной армии. 24-го вода залила Дорогомилово и части Хамовников и Замоскворечья. Государственная типография, Трехгорный пивоваренный завод и анилиновый завод залиты. Непосредственной опасности для людей не было нигде. Только в Дорогомилове, где садовники проживают в одноэтажных домах, они не могли перебраться в верхние этажи, и их пришлось эвакуировать полностью. Электрическое освещение еще функционирует. Трамвайное сообщение во всем районе наводнения приостановлено. <...>

Как вспоминал на вечере памяти Р.Э. Классона в феврале 1926-го его стенограф И. Соловьев (в списке сотрудников Музея Мосэнерго И. Соловьев отсутствует, зато числится поступивший на службу еще в 1893 году зам зав отделом присоединения МОГЭС, по последней должности, Михаил Андреевич Соловьев – однофамилец?, а согласно справочно-адресной книге «Вся Москва на 1923 г.», заведующим отделом условий с абонентами служил М.А. Соловьев, согласно же последнему справочнику в 1922 году в Москве проживали трое Соловьевых с инициалом И. – И.В. Соловьев, но он был обозначен как врач, а также И.Д. Соловьев и И.К. Соловьев; в «Москве на 1927 г.» число таких Соловьевых расширилось до 9 человек, но ни один не был обозначен как сотрудник МОГЭС):

Тотчас же по окончании работ по ликвидации [последствий] наводнения [1908 года] Роберт Эдуардович образовал комиссию из ответственных работников для принятия необходимых мер защиты станции на случай будущих наводнений. Благодаря принятым мерам Московская станция была превращена в корабль с водонепроницаемыми перегородками.

Выходит, в 1926 году «корабль с водонепроницаемыми перегородками» все-таки устоял перед натиском наводнения!

Приведем, наконец, самые последние воспоминания – сына Ивана (из его черновых записей в преклонном возрасте), наиболее емкие, объективные и человеческие, которые мы уже частично цитировали в очерке «Везение инженера Роберта Классона»:

Отец был сангвиником. Людей, впервые его встретивших, он поражал своей активностью, жизнерадостностью, общительностью, при полном отсутствии рисовки, и ровным отношением к людям. Он отличался быстротой соображения, хорошей памятью, любовью к делу – в сочетании с огромной выдержкой, последовательностью в работе и пунктуальностью: сам не опаздывал и ненавидел опоздания. По мнению многих людей, знавших его, Классон был интересным и остротумным собеседником и обаятельным человеком.

При исключительных уме, способностях – к физике, механике, экономике, психологии, живым языкам, чувству красоты в природе и искусстве – и жизнерадостности, своим большим увлечениям – инженерной работе и охоте он остался верен на всю жизнь. У студентов-технологов была многолетняя традиция брать коллективом абонемент в ложу в Мариинском театре. Обычно это была дешевая ложа на одном из верхних ярусов. Звук туда доходил хорошо, но вся сцена и певцы на ней были видны сверху, как вспоминал отец, почти в горизонтальной проекции.

Классон побывал почти на всех оперных спектаклях, но особенно любил «Аиду», «Травиату», «Кармен», «Руслана и Людмилу». У него не было хорошего музыкального слуха, он никогда не пел, но иногда насвистывал (например, при игре в шахматы) некоторые арии (из «Травиаты» в частности) и марши (из «Аиды», «Кармен»). Так я запомнил несколько оперных мелодий, прежде чем сам услышал эти оперы. Я не помню, чтобы отец когда-нибудь бывал на симфонических концертах.

В студенческие годы Классон при разговоре по телефону впервые обнаружил, что почти глух на одно – левое – ухо. Впоследствии, в 1910-х, он стал хуже слышать и на другое ухо. Ушной врач регулярно делал ему продувания, что, может быть, стабилизировало слух. Тем не менее, он хорошо приспособился к плохому слуху, участвовал в заседаниях, говорил по телефону, слушал музыку, бывал в театре, в обществе. Высокие – женские и детские голоса – он лучше слышал, чем мужские. При шуме, например, в машинном зале или в автомобиле он понимал негромкий разговор лучше, чем люди с нормальным слухом. Из его детей слабость слуха унаследовала только дочь Татьяна, у которой она проявилась тоже в молодости.

Классон был требователен к рабочим, но особенно к инженерам. В то же время он бережно относился к людям и считал, что способный человек, не умышленно и не по небрежности сделавший даже крупную ошибку, вряд ли ее повторит.

Классон не уклонялся от необходимости делать замечания своим сотрудникам или детям и иметь с ними разговор на неприятную тему, но делал это, насколько возможно, тактично. По его словам, в молодости он часто писал очень резкие деловые письма, но убедился, что они почти никогда не достигают цели – в отличие от деловых разговоров, в которых обоснованная резкость иногда бывает полезна.

Он говорил, что выше всего ценит гражданское мужество и больше всего ненавидит хулиганство и хамство, и с сожалением замечал, что оба эти явления наиболее распространены, а гражданское мужество особенно редко – в России, пережившей три столетия крепостного права. Он не любил толпы – неорганизованного скопления людей. Недостатками Классона были повышенная нервозность, раздражительность, нетерпеливость. Он чересчур доверчиво и недостаточно критично относился к людям и лишь в последние годы жизни пришел к убеждению, что «люди не выносят хорошего обращения» или «портятся от хорошего обращения».

Классон был на «ты» только со своей матерью, сестрами, женой, детьми и товарищами по киевской гимназии. Со всеми остальными взрослыми людьми он был на «вы». Он никогда не обращался на «ты» односторонне к своим подчиненным, как это – по непонятной причине – широко принято у нас.*

---

* Обращение «товарищ» и на «ты», распространенное в начале XX века среди большевиков, в 1920-30-х трансформировалось в подобострастное обращение по имени-отчеству и на «вы» к начальнику и в хамское, по фамилии и на «ты», к подчиненному.

Он был доступен. Вход в его служебный кабинет в Москве был из коридора, а не через комнату секретаря, как это обычно [принято] в наше время. Если он был занят, например, совещанием или диктовал стенографистке, то зажигал красную лампу при входе.* Он диктовал в рабочее время деловые и другие письма (например, мне), статьи, большие записки стенографам (в Баку Палуевой, в Москве – русские – Соловьеву, кажется, и Зиллаку – немецкие, потом – Зинаиде Васильевне Шеиной). Но обдумывал всю эту свою письменность во время вечерних прогулок (сам об этом говорил мне). Правда, часто вносил такие поправки в стенограммы, что их приходилось перепечатывать.

Классон был любящим отцом, очень заботился о здоровье, физическом воспитании, духовном развитии детей, их обучении иностранным языкам – и трое из них знало, как и он, три языка, кроме русского. Старшего сына он в шесть лет учил гребле, а в семь – черчению с рейшиной в трех проекциях, а позже счету на логарифмической линейке. Взрослым детям он был близким другом.

Близкими товарищами Классона стали: со студенческих лет Я.П. Коробко, со времени работы в Баку – Л.Б. Красин, Э.А. Ленер, А.В. Винтер, В.В. Старков, затем и Г.Б. Красин. Дружбу с ними он сохранил до конца жизни.

Классон доверял людям. Будучи в отпуске и плавая на лодке на одном из озер на севере Италии, он обратил внимание на легкие весла, спросил лодочника, сколько они стоят, заплатил и договорился с ним, что лодочник пошлет весла посылкой в Баку. Вернувшись из отпуска, Классон вскоре получил эту посылку.

Отец был наблюдателен и «в свете». Однажды, будучи в Художественном театре с дочерью и сыном, он в антракте показал им, как забавно, стоя у стены рядом с зеркалом на бельэтаже, наблюдать дефилирующую публику на подходе к этому зеркалу: люди, еще не видя свое отражение, поправляли прическу, одежду, осанку, заботились о выражении лица.

Классон хорошо знал классическую литературу, особенно ценил Тургенева, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Шиллера, Гете, а из новых писателей – Джека Лондона. Любил юмор немецкого сатирика, поэта и художника Вильгельма Буша (1832 – 1908)** и своего современника В.М. Дорошевича, прогрессивный сатирический немецкий журнал «Симплициссимус», петербургский пародийный театр «Кривое зеркало».

Кроме русских толстых журналов он подписывался на немецкий журнал изобразительных искусств «Die Kunst», а с 1915 г. на французский «Illustration», с 1912 г. на начавшую выходить «Природу», позже – на «Scientific American». В 1919 и 1920 гг. он привозил из-за границы литературные новинки: «9 ноября» Келлермана, антивоенный роман «Friedensgericht» [австрийского писателя Андреаса Лацко], утопический роман «Peter, der Zirkusmensch» [датского писателя Оге Маделунга], «La Garçonne» Поля Маргерит.

Он говорил, что несколько раз перечитывал «Отцов и детей» и каждый раз замечал новые интересные места, на которые раньше не обратил внимания. У Герцена он знал и ценил не только широко известные «Былое и думы», но и «Доктора Крупова», «К вопросу о происхождении понятия чести»***.

---

* На Садовнической ул., 30. После смерти Р.Э. Классона в 1926-м в него перебрался, как мы уже упоминали, Г.М. Кржижановский, а затем он занял и весь 2-й этаж. Поэтому обстановка кабинета Роберта Эдуардовича не сохранилась. Теперь весь 2-й этаж занимает музей-квартира Г.М. Кржижановского (со всякими идеологическими побрякушками типа «посмертной маски Ленина»). Ну что же, это в очередной раз свидетельствует о цинизме и беспардонности большевиков и его «верных слуг».

** Книжка для детей Вильгельма Буша «Макс и Мориц» была и в семье И.Р. Классона.

*** Более точно: «Несколько замечаний об историческом развитии чести». // «Современник», 1848 (но с цензурными изъятиями).

Иногда повторял понравившиеся ему остроумные сравнения, например, «со скоростью молнии, смазанной маслом» (я обнаружил уже в 1920-х в старых стопках «Симплициссимуса», что прусский унтер-офицер, тренируя новобранцев в парадном марше, объяснял, что они должны выбрасывать ноги «wie zwei jeölte (gelb) Blitze» – «как две желтые молнии»). Он не говорил: «ты заслоняешь головой», а – «отодвинь торричелиеву (пустоту)!»

Отец иногда очень к месту цитировал классиков, например, что «с глупостью даже боги борются тщетно» Шиллера (когда он увидел, что я курил). Ему нравилась чья-то дореволюционная острота: «Россия по недоразумению считается сельскохозяйственной страной, на самом деле она страна музыкальная – ведь в ней больше консерваторий, чем сельскохозяйственных высших учебных заведений!». О каком-нибудь особенно возмущившем его явлении в царской России он говорил: «в демократической стране это вызвало бы запрос в парламент!»

У Классона был большой диапазон интересов в технике, науке и экономике. Он считал, что архитекторы при проектировании жилых и служебных зданий должны были бы учиться у проектировщиков кораблей и железнодорожных вагонов, достигших исключительно высокого использования кубатуры кают и купе. Он был убежден, что в пассажирском сообщении между Москвой и Ленинградом авиация не может конкурировать с ночными поездами со спальными вагонами, в последних время в пути целиком используется на сон, утренний туалет и завтрак. В дневных поездах он, если мог выбирать, ехал сидя спиной к движению, так как при крушениях бóльшая часть травм – это переломы ног ниже колен о противоположную лавку при резком торможении поезда.

Кроме его творческой природы у Классона были еще две страсти: охота и путешествия. В Баку он охотился на кабанов, на гусей и уток на оз. Лиман. Прочитав в немецком руководстве по искусству стрельбы из дробового ружья рекомендацию, целясь в летящую птицу, смотреть обоими глазами, Классон сразу это испробовал и стрелял в этот раз гораздо хуже обычного. Но уже при втором выезде на охоту результаты нового способа стрельбы превзошли все ожидания.

В 1908-11 гг. он был членом Московского охотничьего общества, ездил главным образом на зимнюю охоту на зайцев, лис и волков. На осеннюю охоту на уток изредка ездил в имение Армандов – в Заболотье за нынешним Загорском*.

С начала строительства «Электропередачи» он охотился преимущественно там, особенно любил охоту зимой на лис и весной охоту на тетеревов и глухарей на току и на вальдшнепов на тяге. С ухудшением здоровья охота оставалась единственным видом спорта, которому Классон остался верен. В зиму 1907/08 года, когда выпало много снега, он, становясь на номер (т.е. занимая место перед началом гона обложенного зверя), сошел с лыж и провалился по пояс в снег.

И вот в апреле 1908-го на Страстной неделе в Москве [из-за обильного снега] произошло небывалое наводнение, все набережные оказались затопленными. Станцию на Раушской набережной – после двух суток круглосуточной работы по установке насосов и эжекторов для откачки воды из ее подвалов – все же затопило, и ее пришлось остановить на несколько дней.

После спада воды промокшую обмотку генераторов сушили, сначала в режиме короткого замыкания. Классон отмечал потом с юмором, как одна из газет написала: на станции сейчас сушат машины, а когда они высохнут, то будут сушить электроэнергию!

---

* Ранее и теперь – Сергиев Посад.

Он любил чистый воздух, солнце, море и горы. Начиная со своей работы в Баку и до революции, отец пользовался ежегодным 6-недельным отпуском, который до 1914 г. проводил за границей, большей частью на юге, на Средиземном море или в горах. Он много раз бывал в Швейцарии и Италии, побывал на юге Франции, в тогдашней Австро-Венгрии в Доломитах, Далмации, на острове Бриони, в Константинополе (ныне Стамбул), который считал красивейшим городом, Смирне (Измир), Греции, Египте, где поднимался на пирамиду. По служебным делам был один раз в Дании и Швеции. Иногда в начале или конце отпуска он заезжал к матери в Киев или к семье на Балтийское море.

Он очень ценил солнце. Однажды в ясный день в феврале на «Электропередаче» положил на выходящем на юг балконе-лоджии (рядом с его комнатой на втором этаже) на шезлонг – доху и полчаса грелся на солнце.

Классон много лет болел своеобразной формой грудной жабы, припадки которой повторялись у него часто. Но в то же время для его здоровья и работоспособности были характерны следующие обстоятельства (часть которых мы уже упоминали): у него никогда не болела голова, он очень легко засыпал в положенное время вечером и днем после обеда.

Летом 1914 г. война помешала ему пройти курс лечения в санатории за границей. В 1915-17 гг. он проводил отпуск в Крыму*. В 1919 г. лечился в санатории над [курортом] Монтре в Швейцарии. При поездках в Германию по делам Гидроторфа в 1921 и 1921/22 годах он, поглощенный мыслями о развитии Гидроторфа, откладывал санаторное лечение и прошел его лишь в 1923 и 1924 гг. в Наухайме и в 1925 г. в Киссингене. Несмотря на болезнь Классон мог много ходить, не бросал охоты, был исключительно работоспособен и жизнерадостен.

Он ходил пешком на охоте, во время отпусков, а начиная с 1911 года и на болотах «Электропередачи». Будучи в Москве он ежедневно вечером после ужина тоже ходил пешком, обычно к Евгении Николаевне на «Кисловку», 4 километра туда и обратно, а иногда до Каменного моста и обратно [когда встречал дочь Екатерину с учебы? – М. Классон].

Отец был немного выше среднего роста, имел хорошую осанку, был подвижен. Досужие журналисты писали про него неправду: что он был сухощав, что у него были тонкие пальцы, что он заикался, носил кожаную куртку, ходил в городе (в ВСНХ, в комиссию ГОЭЛРО и т.п.) в высоких болотных сапогах!

На самом деле в городе и до и после революции носил пиджачный костюм и шляпу, в холодное время года – пальто. В городе ходил с тростью. Сапог в городе, а кожаной куртки и кепки вообще не носил.

Классону везло в том, что услышав от одного из швейцарских банкиров о размыве в Америке золотоносного песка струей воды высокого давления, он применил идею такого размыва к добыче торфяного топлива на торфяной залежи с промежуточной стадией полужидкой «гидромассы», транспортируемой с помощью насосов по трубопроводам, т.е. к идее гидроторфа.

---

* «Первоначальные попытки подвешивать торфосос к треножнику, с многократными перестановками его в течение торфяного сезона, окончились полной неудачей. Торфосос очень скоро выработывал вокруг себя всю торфяную залежь, и большая часть торфяного сезона тратилась не на работу, а на перестановку треноги и торфососа. Эта неудача очень сильно обескураживала Роберта Эдуардовича, и в августе 1917 года, в Гурзуфе, после совместных грустных размышлений на эту тему, впервые решено было применить для подвески и перемещения торфососа кран, который в то время казался чрезмерным усложнением установки». – Из выступления В.Д. Кирпичникова на вечере памяти 14 февраля 1926 г.

Тела изобретателей отдыхали, а мозги переключиться на отдых не могли!

В 1920 г. Классону снова «повезло», когда его зять В.И. Богомолов начал работать в Гидроторфе и, зная с 1900-х годов А.М. Горького, М.Ф. Андрееву и ее сына Ю.А. Желябужского, привлек последнего к съемке фильма на «Электропередаче».

Классон на всех стройках и предприятиях в эксплуатации, которыми он руководил, обращал особое внимание на подбор по-деловому работоспособных кадров, воспитание их, их материальное и бытовое положение, безопасность работ. Он умел создавать у своих сотрудников глубокий интерес к делу.

Его страстность в работе действовала заразительно. В результате с ним стали работать такие выдающиеся инженеры, а позже и химики, и мастера, как Н.И. Языков, Л.Б. Красин, В.В. Старков, В.Д. Кирпичников, А.В. Винтер, А.Г. Штумпф, И.В. Николаев, Удалов, А.В. Эйхель, Дмитрий Яковлевич Крашенинников, А.И. Швальбах, Б.А. Барсуков, Б.М. Крылов, Ф.А. Рязанов, Землянский, А.В. Волков, И.А. Бауэр, П.Н. Ефимов, Л.А. Ремизов, К.Е. Мягков, В.В. Блюменберг, Б.В. Мокршанский, Н.В. Земцов, Г.Л. Стадников, Н.Н. Гаврилов, П.Г. Грудинский.

С.Н. Мотовилова считала, что Классон был прекрасным, ярким, остроумным собеседником. (ф. 9508 РГАЭ)

Проникновеннее и глубже вряд ли скажешь. Попутно отметим, что И.Р. Классон не отнес Г.М. Кржижановского к выдающимся инженерам! Но это, как мы уже ранее видели, не было его единственным мнением.

Затронем здесь вскользь социальный статус выдающихся «спецов», каковым несомненно был Роберт Эдуардович. В июле 1925 г. в берлинском «Руле» был опубликован цикл очерков «О Петербурге» недавно приехавшего в Берлин интеллигента Бусанова. К сожалению, о нем, кроме того, что он обитал до этого в Северной Пальмире, более ничего неизвестно. Так вот, этот недавний товарищ Бусанов, а ныне господин, попытался стратифицировать питерскую интеллигенцию на 3 группы (что с определенной натяжкой можно отнести и к таковой же московской):

Переходя затем к вопросу о материальном положении петербургских интеллигентов, я полагаю, что, несмотря на все разнообразие встречающихся в этом отношении отдельных различий и оттенков, они все же до известной степени могут быть сведены к следующим трем основным группам. К 1-й из них, в сущности незначительной, должны быть отнесены приглашенные властью «спецы» и некоторые почему-либо выдвинувшиеся по службе отдельные «счастливицы», которые получают действительно крупную, по нынешним временам, персональную ставку (доходящую в особых случаях, считая разного рода добавочные суммы, до 600-700 руб.)^{*}. Эти лица имеют, конечно, возможность пользоваться значительными удобствами и комфортом: сохраняют в прежнем виде всю свою квартиру и обстановку, держат прислугу, вкусно едят и пьют, хорошо одеваются, ходят в театр, нанимают для семьи дорогие дачи в Сестрорецке или Кисловодске, даже ездят за границу (впрочем, большей частью по командировкам).

---

^{*} Из письма помощника ответственного руководителя Гидроторфа Л.А. Ремизова в Управление государственной промышленности от 9.7.1924 г. (РГАЭ, ф. 758): «Во исполнение приказа по ВСНХ, присланного нам отношением от 5.7. с/г. <...>, настоящим Управление Гидроторфа сообщает, что Гидроторф в целом имеет управление единоличное в лице Ответственного Руководителя инж. Р.Э. Классона, к которому Особой комиссией при ВСНХ установлен оклад по совместительству со службой на МОГЭС – в 480 руб. (со снижением на 20% по Постановлению СТО с 1.4. с/г.)».

После административного вливания Гидроторфа в Госторф Р.Э. Классон, продолжая служить в МОГЭС и входя в правление Госторфа, получал в «осколке Гидроторфа» как консультант:

В ноябре 1925 г. Управление Научно-Опытной Части Гидроторфа состояло из 5 человек: Заведующий – Л.А. Ремизов (оклад 300 руб.), заместитель – М.А. Веллер (220 руб.), консультант – Р.Э. Классон (150 руб.), ст. химик – Г.Л. Стадников (200 руб.), ст. механик – А.Г. Штумпф (300 руб.).

С ними советская власть более или менее считается, и потому, конечно, они в несравненно меньшей степени чем рядовые служащие чувствуют на себе гнет и унижительность советской службы. Хотя и их служебное положение как и все, чем пользуются теперь в России «советские граждане», вполне прочным названо быть не может, но все же, благодаря завязывающимся в коммунистических сферах связям, им фактически до известной степени обеспечивается их благополучное существование.

Здесь мы оборвем цитирование госп. Бусанова, поскольку вполне очевидно, что Р.Э. Классон с некоторыми натяжками попадает как раз в описанную группу. С одной стороны, Роберт Эдуардович сохранил при советской власти большую служебную квартиру на Садовнической ул. и в известной мере «пользовался значительными удобствами и комфортом», с другой, ездил он за границу в 1920 годы не только в командировки, но и за свой счет на лечение (имея определенные авторские вознаграждения в России и за рубежом от изобретений по гидроторфу). И при этом брал с собой вторую жену – Евгению Николаевну Сомчевскую. Ну а «прочность служебного положения» как раз в самом начале 1920-х, благодаря прежним знакомствам с В.И. Ульяновым-Лениным и Н.К. Крупской, была наибольшей, а затем неуклонно снижалась, что мы могли наблюдать на примере активной, инновационной деятельности Роберта Эдуардовича по развитию гидравлической добычи торфа. Дети его уже были достаточно взрослыми, и им не требовались «дорогие дачи в Сестрорецке или Кисловодске»: они учились и работали, насколько все это было возможно при большевиках... Остальные бытовые и социальные подробности достаточно исчерпывающе приведены в других очерках.

В 1966-м И.Р. Классон получил письмо от Владимира Георгиевича Зыкина, доцента Коми пединститута в Сыктывкаре. Последний спрашивал о важных, на его взгляд (с точки зрения «исторического материализма») вещах:

Что мне хотелось бы знать, как историку, о Вашем знаменитом отце?

1. Почему в собрании сочинений В.И. Ленина (см. том 46 ПСС, в примечании) Ваш отец относится к числу «легальных марксистов». Из выступления Н.К. Крупской это совершенно не вытекает. Она прямо называет его своим первым политическим учителем марксизма, а «легальные марксисты», как известно, принимали марксизм далеко не полностью и, фактически, извращали его. Как доказать, что Ваш отец не является таковым, то есть «легальным марксистом»?

2. Не могли бы Вы, как близкий Р.Э. Классону человек, ответить на вопрос о причинах отхода его от политической деятельности?

Ивану Робертовичу пришлось вправлять мозги «советскому доценту-историку»:

Прежде всего, ведь заинтересовавшая Вас речь Н.К. Крупской полностью напечатана в приложении №1 книги Каменецкого. Прямой ответ на оба Ваши вопроса есть в этой речи и в основном тексте книги, особенно в выдержках: из книги Сильвина, из статьи Старкова, из пояснения Ленина 1908 г. к его [прежней] статье «против г. Струве» и из автобиографии Классона и в ссылках на статьи Г.Б. Красина и И.И. Радченко (следует перечисление стр.). Кроме перечисленных страниц, текст которых никак, по-моему, не относится к узко техническим темам, к ним же относятся и следующие страницы книги: <следует перечисление> – т.е. добрая половина книги!

Кружок М.И. Бруснева – технологов-марксистов 1890-91 годов, в котором, по свидетельству Н.К. Крупской и И.И. Радченко, Р.Э. Классон был теоретическим руководителем, носил характер революционного марксистского.

В 1894-95 гг. Классон входил в группу «легальных литераторов-марксистов»; трое из них, в т.ч. Классон, совместно с тремя социал-демократами во главе с Лениным, по его словам, вошли в небольшой кружок, в котором Ленин прочел свой реферат против взглядов Струве.

Этот кружок издал несколько сочинений Плеханова и сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», большая часть тиража его была сожжена цензурой.

Таким образом, справки о Р.Э. Класоне в т. 46 5-го издания сочинений Ленина и в новом сборнике Политиздата, в части участия Класона в марксистских кружках, выражаясь мягко, неполны. Об этом, о замеченных мною нескольких ошибках в указателях имен (и одной ошибке в тексте), комментариях и датах жизни в 5-м издании я хочу сообщить (еще не успел подготовить список) Институту марксизма-ленинизма, тем более я читал, что готовится переиздание.

Дополнительно к тому, что сказала Н.К. о том, почему Р.Э. отошел от революционной деятельности: *<следует цитата>*. Я думаю, что это высказывание – прямой и очень продуманный Н.К. Крупской ответ на Ваш второй вопрос. В основном тексте биографии Р.Э. Класона об этом же Каменецкий сказал: «Успехи техники были в конце XIX века несравнимо более скромными, чем в XX веке. Но в умах дальновидных современников значение технического прогресса для исторического развития было огромно».

Дальше у Каменецкого в этом месте его рукописи была цитата из Чехова, по-моему, приведенная очень кстати, но, по неизвестным мне причинам, выброшенная «литературным редактором» книги Каменецкого и издательством: «...в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса...!» (Из письма Чехова Суворину от 27 марта 1894 г., стр. 236 т. 12 собрания сочинений Чехова, в «Библиотеке Огонек», М., 1950). Наконец, обратите внимание в книге Каменецкого на письмо Класона Ленину (стр. 177-178), опубликованное впервые.*

Сыктывкарский В.Г. Зыкин попутно запрашивал мнение своего московского корреспондента и о недавно вышедшем издании: «Политиздат в прошлом году издал книгу «Светом ленинских идей». Там есть прекрасный очерк о Вашем отце «Поэт гидроторфа», но в примечании снова повторяется, что Р.Э. был «легальным марксистом»».

Ответ И.Р. Класона был таков:

Сборник «Светом ленинских идей» я еще не видел, но писатель Муравьев знакомил меня со своим очерком в сборнике еще в рукописи. Больших неточностей по существу, я думаю, в нем нет. Вообще же я не сторонник беллетризации жизни реальных людей и очень распространенного теперь приема превращения слов в статьи, письмах и др. записях в устные диалоги, анахронизмов и др. «домыслов» писателей.

Недаром Н.К. Крупская (об этом сказала В.С. Дридзо в биографии Крупской, кажется в последней, 1963 года: «Надежда Константиновна») не одобрила киносценария из жизни Ленина и ее и просила отложить до ее смерти фильмы о Ленине!

---

* Речь идет о письме за 5 ноября 1920 г.: «<...> Думаю, что без труда сумею избежать полемики, так как после того, как дело Гидроторфа постановлением СНК поставлено на строго деловую почву, у меня сразу пропал полемический задор, я забыл старые обиды и хочу вполне дружелюбно работать с Главным торфяным комитетом. Это тем легче, что, несмотря на различие взглядов на способы и методы восстановления промышленности, мы все же остались в приятельских отношениях с Ив. Ив. Радченко.

Теперь разрешите сказать два слова о себе лично. Я вполне признаю справедливость упрека, что я не сумел приспособиться к условиям переходного периода, но думаю, что дело не в мечтах о «реставрации» [капитализма], а в том, что я, всю жизнь проработав в области строительства и созидания промышленности, не мог без боли и обиды видеть разрушение промышленности и гибель интеллигенции. Мне казалось, что переход к организованному общественному производству мог бы совершиться менее болезненно для страны, если бы была привлечена техническая интеллигенция, в очень значительной степени аполитичная. <...>».

Тем не менее можно было бы придраться и к «беллетристике» Владимира Муравьева, например к таким сюжетам:

Встретиться с Классоном Ленину удалось только в феврале следующего, 1894 года. Была масленица. <...> К тому времени он уже был заметной фигурой среди петербургских марксистов. В годы учебы в Технологическом институте он принимал участие в студенческих волнениях, несколько раз подвергался аресту, входил в кружок Бруснева, ездил в Женеву к Плеханову. Многие из «технологов» благодаря Классону приобщились к марксизму.

<...> В 1892 году группа Бруснева была разгромлена. Большинство ее участников попало в тюрьмы. Сам Бруснев был приговорен к шестилетнему тюремному заключению с последующей высылкой еще на десять лет в Сибирь. Пошел в ссылку Леонид Борисович Красин и многие другие. Классон остался на свободе только потому, что находился за границей, в Германии, где по окончании института работал на испытании дальней электролинии переменного трехфазного тока.

Роберт Эдуардович жил во Франкфурте-на-Майне, а в петербургском жандармском управлении в папку, на которой писарь каллиграфическим почерком вывел его фамилию, легли первые листы будущего «дела». Классона обвиняли «в рассылке из Санкт-Петербурга прокламаций, озаглавленных «15 апреля 1891 г.» по поводу демонстраций при похоронах писателя Шелгунова». И еще в «преступной связи с государственным преступником Михаилом Ивановичем Брусневым», у которого при аресте нашли письмо Роберта Эдуардовича из Цюриха «о согласии на высылку разных изданий и с изложением взглядов Классона на теории анархизма и социализма».

В ноябре девяносто третьего года Роберт Эдуардович вернулся в Петербург. В первый же день к нему нагрянули с обыском жандармы. К их великому сожалению обыск ничего не дал. Все-таки над ним установили гласный полицейский надзор.

Как мы уже видели, Роберт Классон арестам никогда не подвергался. К Плеханову он специально не ездил, а, будучи в Швейцарии с женой и другом Коробко, заодно уж заехал к Валентину Георгиевичу с Верой Ивановной Засулич. Когда супруги Классоны вернулись из-за границы в Петербург (он – 8 мая 1893 г., она – в июле, из-за рождения дочери Сонички), то были подвергнуты обыску лишь 2 ноября того же года (в ту же ночь обыск был проведен и у Я.П. Коробко): «По обыскам этим ничего явно предосудительного не обнаружено и взята лишь разная переписка». И лишь после обыска был допрошен Роберт – 5 ноября. Ну и так далее...

Тем не менее, Владимира Муравьева стоит поблагодарить хотя бы за то, что он воспроизвел, после выхода малотиражной книги М.О. Каменецкого (3 тыс. экз.), в издании Политиздата тиражом 75 тыс. экземпляров не только знаменитое письмо В.И. Ульянова-Ленина («т. Классон! Я боюсь, что Вы – извините за откровенность – не сумеете воспользоваться постановлением СНК о Гидроторфе...»), но и вполне достойный ответ Роберта Эдуардовича.

В этом же очерке упоминалась и докладная записка Р.Э. Классона в ГОЭЛРО (1920 г.), в которой автор критиковал «военный коммунизм» и с копией которой внимательно ознакомился «вождь мирового пролетариата».

Как сообщила в одном из писем киевский корреспондент И.Р. Классона – С.Н. Мотовилова, «Классон рассказывал [моей] маме, как его удивило, что Ленин не знает многого, что происходило тогда в стране» (реплику на эту же тему дотошного биографа вождя большевиков – Д.А. Волкогонова мы уже приводили). В 1969-м книга «Светом ленинских идей» (с очерком Владимира Муравьева «Поэт Гидроторфа») была переиздана уже тиражом 100 тыс. экземпляров!

Пожалуй, самым первым «идейным мифотворцем» в отношении Р.Э. Классона стал «старый большевик» В.Д. Бонч-Бруевич. В 1929 году появилась его статья «В.И. Ленин об изобретательстве» в только что начавшем выходить тогда журнале «Изобретатель». И вот в №2 сей мифотворец, впервые напечатав письмо В.И. Ульянова-Ленина Р.Э. Классону от 2 ноября 1920 г., снабдил его следующей идеологической хренью:

Особое внимание отдавал Ильич также изобретению инженера Классона по жидкому торфу [? – МК]. Классона он знал давно, еще по петербургскому кружку марксистов 1894-1895 гг., когда Владимир Ильич всегда горячо спорил с ним, как с теоретически невыдержанным человеком [sic!]. Но это не помешало ему после Октябрьской революции при встрече со своим идеологическим противником [sic!] обратить самое пристальное и серьезное внимание на высокие дарования и огромные таланты, которыми обладал этот выдающийся, глубоко образованный инженер-электротехник, достойный соратник Л.Б. Красина и Г.М. Кржижановского [sic!].

Когда изобретение т. Классона было уже настолько разработано, что можно было думать о применении его на практике, Владимир Ильич после многократных бесед пожелал ознакомиться с самим производством и так как не было никакой возможности поехать на торфяные болота (была уже глубокая осень), то решили показать в Кремле кино-фильму, заснятую на месте производства. Эту фильму, которая следовала за кратким докладом о новой системе добычи торфа, сделанным тов. Классоном, внимательнейшим образом смотрел Владимир Ильич. Вскоре после этого Владимир Ильич провел в Совнаркоме особый декрет, помогавший осуществлению всего этого дела, и тут же написал весьма интересное и характерное для Владимира Ильича письмо тов. Классону. Он писал ему: <...>

Далее шел известный текст письма от 2 ноября 1920 года, однако в нем было сознательно раскавычено известное выражение о «бесмысленных мечтаниях»:

Вы, по-видимому, слишком много времени потратили на «бесмысленные мечтания» о реставрации капитализма и не отнеслись достаточно внимательно к крайне своеобразным особенностям переходного времени от капитализма к социализму.

Между тем, эрудированный В.И. Ульянов-Ленин, беря эти сакраментальные слова (бесмысленные мечтания) в кавычки, тем самым делал завуалированную ссылку на выступление Николая II 17 января 1895 г. перед делегатами земских, дворянских собраний и городских дум, пришедших поздравить его с восшествием на престол.

Имеется прямое указание на то, что «вождь мирового пролетариата» прекрасно помнил этот оборот и еще раньше к нему саркастически обращался. Из его монолога в присутствии 18-летнего юноши Сани и Георгия Александровича Соломона на квартире последнего в Брюсселе в 1908 году:

– <...> Нам вынь да положи вот сию же минуту «Красную звезду» моего друга Александра Александровича [речь идет о романе А.А. Малиновского, где он воспроизвел социалистическую утопию – МК]... – на меньшее мы не согласны! Никак нет, ни Боже мой, – на меньшее мы не согласны! И зря он написал этот роман, ибо он только окончательно совращает с пути истины всех скорбных главой, имя же им легион, и заставляет их лелеять, по выражению моего друга «его величества Божьею милостью Николая II», **несбыточные мечтания...**

Он остановился на минуту, подошел к столу, отпил чаю и снова заходил по комнате.

– Да, я говорю, **несбыточные мечтания**, – продолжал он. <...>

(цитируется по книге Георгия Соломона «Ленин и его семья»)

Сделав мелкий подлог, В.Д. Бонч-Бруевич позволяет себе в очередной раз «поднять на пьедестал» В.И. Ульянова-Ленина и в очередной же раз пнуть Р.Э. Классона:

Как характерно, что и здесь, в этой голой и чистой практике, Владимир Ильич не забывает теоретических позиций и связывает нерешительность, недостаточную настойчивость проявления воли и необходимую и беспощадную требовательность с «бессмысленными мечтаниями» о реставрации капитализма.

Этот «старый большевик», конечно же, видел ответное письмо Р.Э. Классона от 5 ноября 1920 г., но не привел его, чтобы не обнаружить свой подлог (а мы приведем еще раз!):

<...> Я вполне признаю справедливость упрека, что я не сумел приспособиться к условиям переходного периода. Но думаю, что дело не в мечтах о «реставрации», а в том, что я, всю жизнь проработав в области строительства и созидания промышленности, не мог без боли и обиды видеть разрушение промышленности и гибель интеллигенции. Мне казалось, что переход к организованному общественному производству мог бы совершиться менее болезненно для страны, если бы была привлечена техническая интеллигенция, в очень значительной степени аполитичная.

Ну а оборот «**достойный соратник Л.Б. Красина и Г.М. Кржижановского**» в отношении Р.Э. Классона выглядит сегодня совсем уже анекдотично!

В 1969-м в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» вышла книга Б.Г. Кремнева «Красин». В 1970 г. И.Р. Классон опубликовал в №7 журнала «Энергетик» заметку – «Леонид Борисович Красин». Редакция журнала существенно сократила исходный текст, написанный еще в сентябре 1969-го, а в нем содержалась некоторая критика писанины этого бойкого писателя – Бориса Григорьевича Кремнева:

В 1960-х годах в Москве вышло пять биографий Леонида Борисовича Красина: в 1962-м – Карпова Р.Ф. Л.Б. Красин – советский дипломат (Соцэгиз); в 1963-м – Могилевский Б.Л. Никитич (Политиздат); в 1968-м три книги – Могилевский Б.Л., Прокофьев В.А. Три жизни Красина («Советская Россия»); Зарницкий С.В., Трофимова Л.И. Советской страны дипломат (Политиздат); Кремнев Б.Г. Красин («Жизнь замечательных людей»).

Главное внимание в этих книгах уделено Красину – революционеру в царской России и Красину – советскому дипломату, меньше Красину – советскому государственному деятелю и совсем мало и неточно сказано о Красине – инженере русской и организаторе советской электроэнергетики.

<...> Авторы двух из названных книг резко ошиблись в длительности постройки станции: Б. Кремнев пишет: «Не прошло и нескольких лет, как в Баку появилось невиданное для этого города сооружение...» (стр. 73), а из надписи к фотоснимку против стр. 64 книги «Советской страны дипломат» следует, что станция строилась в течение 1900-04 годов, т.е. всех четырех лет работы Красина в Баку, ее эксплуатация вообще не упомянута.

18 апреля 1900 г. «Электрическая сила» подала в Горный округ прошение о разрешении строить станцию, 20 апреля разрешение было получено, в конце мая стройка шла хорошо и быстро – подрядчики по договорам должны были платить большие неустойки в случаях опозданий окончания работ (поэтому понятия «недоделки» вообще не было). 1 июня 1901 г. энергией станции «Биби-Эйбат» впервые вращались установленные «Электрической силой» на промыслах электродвигатели, а 10 июня 1901 г. станцию пустили в нормальную работу, с октября – непрерывную.

А вот что нахреначил Б.Г. Кремнев о Роберте Эдуардовиче:

Старый друг по питерской Техноложке Роберт Классон – за это время он стал первоклассным инженером, что называется, человеком с именем – предложил строить электрическую станцию в Баку, на Баиловом мысу.

Недавно созданное акционерное общество «Электрическая сила» начинало электрификацию нефтяных промыслов. Его величество капитал шел в наступление.

То, что он окончил институт по химическому отделению и электротехником не был, Красина не смутило. Можно и нужно смело браться за всякое перспективное дело, хотя бы и мало знакомое. Была бы хорошая теоретическая подготовка да голова на плечах, а трудности, они отойдут назад по мере того, как работа будет продвигаться вперед. Он выехал в Баку.

На строительстве Вавилонской башни он не бывал, но сызмала представлял его примерно таким, каким была стройка на Баиловом мысу. Столпотворение. Смешение всех и всяческих языков. Здесь слышались и густое оканье волгарей, и певучая украинская мова, и отрывистая речь англичан, и гортанные звуки восточных языков и наречий, и суховато-чеканный говор немцев, и пришепетывание датчан.

Кого тут только не было! Русские и осетины, армяне и персы, украинцы и грузины, азербайджанцы и лезгины, абхазцы и татары, немцы, англичане, датчане — все съехались на Каспий. Кто, убегая от голода и нужды, а кто в погоне за длинным русским рублем.

Красин поселился в небольшом деревянном домике на самой оконечности мыса. Отсюда видна была вся строительная площадка. Она походила на развороченный муравейник. Площадка кишела людьми с лопатами, тачками, кирками, носилками, «козами». Раздетые по пояс, бронзовотелые, пропыленные, люди вгрызались в Баилову гору. Нужно было сбросить в море добрую половину ее, чтобы, отвоевав у воды две десятины суши, расширить площадь станционного участка.

Из хаоса стройки медленно прорисовывались, словно на плане, фундаменты будущих сооружений — грандиозного здания электрической станции, трех жилых домов, водокачки, различных служб. Колоссальный размах работ, от которого иной раз перехватывало дух. Первое время даже не очень верилось, что он именно тот человек, который призван всем этим заведовать и управлять.

Впрочем, предаваться сомнениям долго не приходилось.

К действительности возвращал Классон. Покрикивая, пошучивая, требуя, предписывая. И все это с изящной легкостью, добродушием, веселостью. Если и отчитает, то остроумно и необидно, несмотря на обилие красочных и сочных «выражений», большим любителем которых он был.

Если посоветует и поправит, то без тени унижительного менторства и бахвальства своим опытом. Хотя опыт у Классона к тому времени уже накопился немалый. Как-никак свет двум столицам дал он. Первая московская и первая петербургская электростанции были построены по проектам и под руководством Классона.

Работать с ним было легко и приятно. И не только потому, что они были друзьями. В конце концов что особенного в дружбе, к тому же давнишней, двух однокашников, из которых один успел стать видным инженером-энергетиком, пока другой мыкался по жизни? Помог устроиться, и все.

Они были больше чем друзья, они были друзья-единомышленники. Оба одинаково горячо верили в технический прогресс и смело, не страшась риска, боролись за него. Вопреки освященным традицией мнениям и установлениям.

Старые авторитеты отвергали применение электричества на нефтяных промыслах. Старики горой стояли за пар.

Классон, Красин и полдюжины других молодых инженеров вели пионерскую работу по обследованию процессов бурения и нефтедобычи и параллельно со строительными и монтажными работами закладывали основы научной электрификации нефтяной промышленности.

– Электрическая система передачи энергии – наилучшая, – утверждали они.

Сейчас это ясно каждому мало-мальски грамотному в техническом отношении человеку. Но тогда «коммерческая, да и техническая возможность применения электричества к нефтяному делу стояла еще под знаком вопроса».

Классон с Красиным весь свой талант и энергию революционеров в технике неукротимо стремились к тому, чтобы этот вопрос снять. Они не были одиноки. И тот и другой умели привлекать нужных людей, находить в них опору.

<...> Красина с Классоном объединяло многое. Но не все. В одном они не сходились. Классона, как и Красина, влекла революция в технике. О революции в общественной жизни он думал мало. Во всяком случае, в последнее время. Если он и помышлял о ней, то лишь как сторонний человек, который, конечно, сочувствует революции, но в подготовке ее активного участия не принимает.

Правда, была пора, когда и он, как всякий честный русский интеллигент, был связан с нелегальным движением. В Технологическом институте Классон входил в группу Бруснева. Затем, после разгрома ее, был членом кружка, в который вступил только что приехавший в Петербург Ленин. Крупская впервые встретила с Владимиром Ильичем на квартире Классона.

Но вот он стал инженером. Теперь дело, которое он делал, – а оно было очень важным: он нес людям свет, тот самый прометеев огонь, о котором они мечтали с незапамятных времен, – целиком поглотило его. Он жил лишь тем, что делал, и делал то, чем жил. На прочее не оставалось ни времени, ни душевных сил, ни охоты.

Шли годы, и повседневная страда дел, словно марлевой завесой, отгородила прежнее от нынешнего. Прошедшее казалось теперь блажью студенческих лет. Пусть милой и возвышенной, но несерьезной. Особенно по сравнению с тем, чем занят деловой человек. Уйдя в прошлое, постепенно стерлось из памяти даже то, что в свое время за поездку в Швейцарию к Плеханову ему пришлось расплачиваться долгой и неприятной беседой с жандармами.

Красин в отличие от Классона выдержал испытание делом. Становясь деловым человеком, он продолжал оставаться революционером. То, чему он учился и чему учил в рабочем кружке на Обводном канале, убедило его, что техника, даже достигнув небывалого расцвета, способна осчастливить лишь счастливых людей. Счастлив же только тот, кто свободен. Машинное рабство не лучше, а хуже, изнурительнее и тяжелее рабства безмашинного. Подневольный становится рабом не только хозяина, но и машины, которой хозяин владеет. Это позволяет хозяину выжимать еще больше соков из раба. Значит, из всех путей существует один-единственный правильный – путь борьбы за изменение отношений между людьми. Когда техника, машины, заводы из состояния богачей превратятся в достояние неимущих и будут служить народу, вот тогда-то они и принесут счастье человечеству. Чтобы это произошло, нужна борьба, а в борьбе – руководитель. Таким руководителем может быть только партия, сильная, крепкая, сплоченная твердой дисциплиной.

Как видно, Б.Г. Кремнев читал воспоминания А.В. Винтера «Моя счастливая жизнь», которые он цитирует прямо и косвенно. Однако Александр Васильевич вспоминал несколько иначе:

Классон был человек остроумный и любитель красочных и сочных выражений; при этом употребительные «русские слова» он не признавал и никогда их не произносил.

То есть по Б.Г. Кремневу выходит, что Р.Э. Классон мог если и не материться, то подпускать «крепкие выражения», что тоже является враньем.

Далее, про размышления о «революции в общественном деле». Действительно, в годы интенсивной инженерской работы Роберт Эдуардович не мог заниматься параллельно «революционной работой», как это хорошо или плохо выходило у Л.Б. Красина. Однако первый, как мы видели, до октябрьского переворота 1917 года всегда с сочувствием относился к подпольщикам – предоставлял им работу, а в 1906-м даже вошел в конфликт с начальством в Баку, отказываясь выдать подпольщиков военным властям.

У Б.Г. Кремнева почти совмещены во времени два кружка: Брусневский и кружок, в который «вступил только что приехавший в Петербург Ленин». На самом деле, первый существовал, когда Р.Э. Классон учился в Технологическом институте, кроме того, его разгрома не было, сие произошло лишь в Московской группе Бруснева, когда оба уже стали инженерами. Что касается второго кружка, то на самом деле это был «марксистский салон» у Р.Э. Классона на Охте, куда как-то заглянул недавно приехавший в Петербург В.И. Ульянов. А последний входил в совсем другой кружок.

Ну а категорический вывод писателя Б.Г. Кремнева: «Красин в отличие от Классона выдержал испытание делом. Становясь деловым человеком, он продолжал оставаться революционером» является, как мы сейчас понимаем, не более чем идеологически выдержанным (для «Софьи Власьевны») заклинанием...

В 1961 г. в Госэнергоиздате вышел сборник воспоминаний участников Комиссии ГОЭЛРО и строителей первых электростанций «Сделаем Россию электрической». В этом сборнике оставил живые впечатления о Р.Э. Классоне в своем очерке «Фантастика в действии», к сожалению «политически корректном» для советской власти и «видного энергетика» Г.М. Кржижановского, его коллега Петр Григорьевич Грудинский:

Все электротехническое хозяйство Москвы, кроме «Московского трамвая», принадлежало «Обществу 1886 года». Техническими руководителями Общества были Р.Э. Классон, Г.М. Кржижановский [на самом деле последний заведовал лишь кабельным хозяйством! – МК] и другие, около которых группировалась большая группа инженеров-энергетиков. Я познакомился с «Московской станцией 1886 года» в период, когда она уже застыла на мертвой точке. В 1914 году кончался срок концессии, станция и ее кабельная сеть должны были перейти безвозмездно в собственность Москвы.*

---

* На самом деле, это не так.

Из доклада В.Ф. Федорова, читанного в I Отделе 29 Апреля 1907 г.

<...> 1895 года 23 сентября Московским Городским Управлением заключен концессионный договор по электрическому освещению города без исключительного права на пятьдесят лет, с правом выкупа через каждые пять лет концессии, причем цена выкупа определяется следующим образом: <...>

Труды IV Всероссийского Электротехнического съезда, Киев, 1907 г.

Очередное собрание Об-ва Электротехников 19 сентября 1911 г.

<...> [Инженер] Н.И. Сушкин [из Городской управы] читает доклад «Положение вопроса о снабжении г. Москвы электрической энергией».

<...> Отношения между предприятием Общества Электрического Освещения 1886 г. и городом регулируются договором, заключенным в 1895 г. По договору предприниматель получает право прокладки подземных кабелей по всем улицам и площадям для снабжения абонентов электрической энергией, как для осветительных, так и для технических целей. Взамен полученных прав предприниматель несет и известные обязательства: он должен устроить станцию в определенный срок, не меньше заданной мощности; должен при работах на улицах подчиняться известным правилам. Не имеет права отпускать энергию по цене выше установленных максимальных тарифов, обязуется присоединять к своей сети абонентов и отпускать им энергию, если заявленные требования на энергию достигнут определяемой договором нормы. Обязуется отчислять в пользу города известный процент с валового дохода от проданной энергии. Обязуется держать в порядке свои сооружения и прочее. **Через определенный срок (с 1 июля 1920 г.) город получает право выкупа предприятия; в 1945 г., если не последует выкупа, предприятие переходит в собственность города.**

Концессионеры уже были не заинтересованы в новых вложениях [на самом деле, в 1914 году на станции была установлена седьмая паровая турбина, в 15 000 сил. * – МК].

«Общество 1886 года» начало строить новое предприятие на концессионных началах с Московским земским управлением – электростанцию «Электропередача», первую районную станцию России. «Электропередача» должна была работать на торфе. Р.Э. Классон изыскивал наиболее совершенные способы добычи и сжигания торфа. Это было зарождением знаменитого «Гидроторфа», который воплотился в жизнь только при Советской власти благодаря энергии и настойчивости В.И. Ленина.

Я познакомился с Р.Э. Классоном в 1916 г., когда мне нужно было делать [в Техническом Училище] дипломный проект. [Один из руководителей «Московского трамвая»] Н.И. Сушкин предложил поехать с ним вместе на испытание «Гидроторфа». ** Мы поехали. Р.Э. Классон радушно принял нас, сам водил по станции, показывал, объяснял. Затем пригласил нас к обеду на свою квартиру-дачу [? – МК]. Во время обеда Роберт Эдуардович много рассказывал нам о своем изобретении, рисовал мрачную картину заболачивания лесов России и противопоставлял этому процессу проект использования торфа для выработки электроэнергии и для удобрения полей. Когда он говорил, глаза его горели, чувствовалось, что он увлечен своим планом, вкладывает в него всю свою энергию.

После обеда нам не терпелось посмотреть знаменитое изобретение Классона, и мы попросили показать его.

– После обеда я привык спать, – охладил нас Роберт Эдуардович.

Однако тут же добавил:

– Идите одни.

Обрадованные, мы поспешили на торфяные поля. Но, увы... нам без него «Гидроторф» не показали. «Электропередача» испытывала в тот момент очень большие трудности с добычей и сжиганием торфа. Но ничто не могло охладить энтузиазма Классона. Страстная натура его требовала постоянного напряжения. Неумолимо работал он над проблемой круглогодичной добычи торфа.

---

* Из «Записки швейцарских акционеров Общества электрического освещения 1886 г.» («Русские ведомости», 21 февраля 1915 г.):

За последние семь лет – 1907-1913 годы общее превышение поступлений над расходами по петроградскому отделению равнялось 9 157 281 руб. 46 коп., но в то же время на новые сооружения затрачено 12 250 000 руб. По московскому отделению из суммы 17 847 020 руб. превышения поступлений над расходами затрачено на новые сооружения 17 337 000 руб. Всего за это время, таким образом, затрачено вновь на устройство станций в Петрограде и Москве 29 587 000 руб. Из этой суммы 75% пошли на уплату непосредственно русским предприятиям и рабочим за материалы и за работы и около 5% этой суммы составили пошлины и фрахты. Положение это не было изменено и последним выпуском акций на нарицательную сумму 10 000 000 руб., произведенным весной 1914 г. Подобно прежним выпускам это увеличение основного капитала имело целью прежде всего служить источником для покрытия полученных раньше Обществом авансов и сделанных им долгов поставщикам различных материалов. Выпуск этот, согласно закону, был сделан на условиях, одобренных правительством. Из общей суммы в 10 330 012 р. 25 коп., причитавшихся Обществу от реализации последнего выпуска, еще до начала войны, т.е. до 19-го июля 1914 г., Обществом уже было уплачено своим кредиторам 7 086 271 руб. 51 коп. Эта сумма, следовательно, почти полностью была затрачена уже ранее на новые сооружения. Затем 24 июля, т.е. уже после объявления войны, 1 000 000 руб. был переведен из Берлина через Русский для внешней торговли банк в Петроград правлению Общества.

** Николай Иванович Сушкин обозначал себя в адресно-справочной книге «Вся Москва» за 1915 год как всего лишь «инженер при постройке городского электрического трамвая», это потом он, давно уже преподавая в МВТУ, стал в этом учебном заведении уважаемым доцентом и затем еще более уважаемым профессором.

Одна за другой испытывались конструкции топок для сжигания торфа, изыскивалась возможность разрушения строения торфяной массы химическим путем, чтобы потом механически отжать из него воду. Наладка работы торфяной электростанции оказалась очень трудным делом. «Электропередача» работала только на 20-30% установленной мощности.

<...> В 1922 г. я перешел [после службы в Каширстрое, добровольцем в Красной армии, опять в Каширстрое и в проектной службе «Электростроя»] на работу в МОГЭС, где заведывал проектным отделом и был дежурным инженером 1-й Московской электростанции [(1-й МГЭС)]. Я хотел поближе познакомиться непосредственно с работой в области эксплуатации электрических станций.

Я уже немного был знаком с Р.Э. Классоном со времени работы над моим дипломным проектом. Это был исключительно интересный человек. Когда-то до революции Классона называли «пожирателем миллионов». Он поразительно умел добиваться выполнения своих предложений, увлекая рассказами о перспективах развития русской энергетики.

Большое значение Роберт Эдуардович придавал умению инженера оформить чертеж, оформить правильно, грамотно, красиво. Преддипломную практику [в 1915 г.] я проходил на 1-й Московской электростанции. Я помню, как Классон несколько раз заставлял нас, студентов-дипломников, переделывать чертежи, повторяя:

– Дети, купите себе цветные карандаши. Инженер должен владеть искусством графики так, чтобы чертеж был четким, понятным без объяснений, с первого взгляда.

Поучения Р.Э. Классона запоминались нами, молодыми практикантами, на всю жизнь. Многими инженерными навыками обязаны мы именно Р.Э. Классону. Он учил нас смелости, умению правильно решать самые сложные задачи, умению в нужные моменты не бояться трудностей, идти на риск.

Помню однажды на той же 1-й Московской станции затопило подвалы машинного зала, где размещались распределительные устройства высокого напряжения. Необходимо было проверить их состояние, посмотреть, насколько поднялся уровень воды, и можно ли сохранить их в работе. Спускаться, честно говоря, было страшно: темно, напряжение не выключено, а идти надо между выключателями. Но делать было нечего.

Классон очень торопился осмотреть оборудование. В полной темноте шли мы по коридорам и лестницам. Я присел на ступеньку, чтобы снять ботинки и подвернуть хотя бы брюки.

– Что вы тут копаетесь, – буркнул Роберт Эдуардович, – обогнал меня и в костюме, в ботинках полез прямо в воду.

Мне стало неловко, и я, успев подвернуть только одну штанину, пошел за ним.

К счастью, вода поднялась не очень высоко, и оборудование не пострадало.

Несколько раз встречался я с Классоном на заседаниях Центрального электротехнического совета (ЦЭС). Много встреч было у меня с ним, но самое приятное время было, конечно, когда мы работали вместе в МОГЭС.

В Роберте Эдуардовиче сочетались кипучая энергия, жажда деятельности с очень большой эмоциональностью. Он очень увлекался и делал все с большой страстностью. Классон необыкновенно любил природу. Помню, как однажды при посещении станции «Электропередача» он с таинственным видом повел нас, инженеров, по площадке электростанции.

Долго не могли мы понять, куда же ведет нас этот интересный, влюбленный в свое детище человек. Классон показал нам маленький зеленый островок, на котором росла одинокая березка и под ней большой гриб. Здесь Роберт Эдуардович рассказал, сколько забот и изобретательности ему пришлось проявить, чтобы не срубили эту березку. Он ухаживал за ней, будто это было живое существо, дорогое и близкое ему.

В 1970-х Е.Р. Классон, написав брату Ивану о необходимости встретиться и еще раз обсудить текст некоей главы (к предполагавшемуся, но так и не реализованному переизданию книги об их отце), заметила в связи с картиной художника Федора Васильева «После дождя» (на лицевой стороне открытки): *«Между прочим, папа не знал, очевидно, или не ценил Васильева, автора этой картины, а он не плох».* Тем не менее С.Н. Мотовилова утверждала: *«Кстати, Классон очень интересовался искусством и очень за ним следил».*

Александр Парнах через 40-50 лет смог припомнить лишь следующее: *«Мама упоминала, что ее отец ходил часто в театр и читал французские романы, засыпая на диване. А Иван Робертович сказал, что тот ходил в церковь Московского Университета, но не знал, верил ли он в бога. Больше ничего мне неизвестно».*

В 1972-м И.Р. Классон, который выше дезавуировал миф, созданный досужими журналистами, *«сапог в городе, а кожаной куртки и кепки – вообще не носил»*, дал резко отрицательный отзыв на новое издание книги Тамары Леонтьевой «Вторая программа. Документальная повесть (sic!)», готовившееся к выходу в издательстве «Советский писатель», где обратил внимание на следующие глупости, придуманные автором: *“Р.Э. Классон заседал в Главторфе в Москве в болотных сапогах и кожаной куртке, бегал по советским учреждениям и впадал в истерику, говорил «ты» Винтеру, на «ты» был и с И.И. Радченко, ненужный вымысел о плохом самочувствии Классона на заседании в ВСНХ перед его внезапной смертью и т.д. и т.п.”*

А в 1971-м он по поводу вышедшей в 1970-м книги Т. Леонтьевой даже обращался с категорической жалобой в ЦК КПСС и Институт марксизма-ленинизма! Тем не менее, в 1976 г. она опять была издана в «Совпесе»!!

И при этом свой прежний текст Т. Леонтьева «творчески переработала». Например, если в первом издании сравнение Р.Э. Классона с дятлом – мастером долбить кору засохших деревьев преподносилось так: *«Винтер вспомнил, что И.И. Радченко говорил ему однажды о Классоне...»*, то во втором – следующим образом: *«Кирпичников говорил Винтеру о Классоне...»*. И издание 1976 года тоже преподносилось как документальное!

О чем тут вообще речь? В мае 1959-го киевская родственница С.Н. Мотовилова писала своей сестре Вере в Лозанну:

Есть у нас писатель Гранин. Он инженер-электрик, но сейчас не работает как инженер, а только как писатель. <...> Он несколько раз писал о Классоне в статьях. Ну, и вот я ему предложила, отчего бы ему не написать книгу о Классоне?

[Сестра] Зина предупреждала меня: Гранин на письма не отвечает, но мне он сейчас же ответил. Эта мысль ему очень понравилась, просил дать адрес сына Классона. Я его письмо переслала Ване Классону, а тот ответил мне, что из этого ничего не выйдет, так как уже три писателя пишут биографии Классона! Сперва ждут, чтоб все умерли из его знавших, а потом начинают биографию писать! (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Здесь стоит остановиться чуть подробнее на двух таких «биографах» – Борисе Галине и Тамаре Леонтьевой.

На самом деле они оба разрабатывали золотую жилу: «линию жизни» В.И. Ульянова-Ленина; а также навязанную последним своим подчиненным, в качестве идеологического фетиша, «электрификацию всей страны»; и «почтительно-благодарное окружение» в лице Р.Э. Классона и других многочисленных «строителей нового мира».

Еще в 1960-м киевский корреспондент И.Р. Классона Софья Николаевна Мотовилова дала уничтожающую экспресс-рецензию на очерк Бориса Галина «Азарт юности»:

Сегодня ночью читала «Октябрь», №4 и прочла Бориса Галина – «Азарт молодости». <...> Что за мерзкий тон в этой статье. К чему эти повторения «инженер Классон». Говори – Классон, fout court [(короче говоря)].

<...> Он все старается провести дистанцию между «беспартийным инженером Классоном» и главой правительства Лениным. А это дурацкое сравнение, с какой-то брошюрой, где люди заставили работать 2-х буржуев на них. Точно Классон, что-то вроде буржуев, которым угрожают, что отнимут «имущество», и под этой угрозой он работает? Электрическая станция Московская, по-моему, работала все время, и это кажется единственная станция в нашей стране, не прекращавшая работу в годы революции. Ну, Вам это лучше знать. <...>

Или зачем столько раз повторять «пути их давно разошлись». Чем разошлись? Они оба были марксистами, когда познакомились. Классон даже считался лучшим марксистом в Петербурге. Он ведь хорошо знал немецкий язык и мог читать Маркса в оригинале. И тогда, когда они познакомились, Классон был инженером, а Ленин профессиональным революционером.

Что же изменилось за эти годы? Оба остались тем, кем были. Разве Классон перешел в какую-нибудь партию? По-моему нет, но Вы это лучше знаете, напишите.

Да вообще кто теперь делает это деление: «беспартийные», «попутчики», и чистые коммунисты. Есть люди нужные и полезные государству, и Классон был таким. Ленин это отлично понимал, и нечего умиляться, что Ленин внимательно читал отчеты Классона. Понятно, раз дело серьезное. Отвратительный тон у статьи. Кому он боялся не угодить?

Когда Классон работал в Баку, у него служили всякие нелегальные и подозрительные люди, с точки зрения старого правительства. И я читала в Ленинских сборниках письмо Ленина в Баку Классону, о чем-то Ленин его просил. Эхма, умер Кржижановский и исправить не может.

Надежда Константиновна всегда повторяла: Классон был ее учителем марксизма. Но такое сказать автору статьи неудобно, и [он] пишет: «они работали в одном марксистском кружке». А отчего он не приведет отзывы о Классоне? После его смерти, Вы, конечно, читали, были отзывы о Классоне, и я помню, Крупская писала, как ценил Классона Ленин и говорил о нем: «Это настоящий человек!»...

А этот рассказ, пришел Классон и сказал своим сотрудникам «Слушайте! Товарищ Ленин вчера смотрел киноленту [о гидроторфе]...». Но я убеждена, что Классон говорил просто «Ленин» или «Владимир Ильич». В наше время он его называл «Ульянов», но «товарищ Ленин» – это какое-то подхалимство. Не мог Классон так говорить.

<...> Или вот, например: «Смелая, мужественная мысль Ленина вбирала в себя работу по Гидроторфу». «Смелая, мужественная мысль», по-моему, была не у Ленина, а у Классона, а Ленин только внимательно читал. Ну а эта фраза совсем уже замечательная. «Энергия его сердца, сердца пламенного торфиста, вдохновенного Лениным, целиком была отдана любимому детищу – Гидроторфу». Вот тебе на! Не Классон своим изобретением вдохновлял Ленина, а только благодаря вдохновлению Ленина Классон работал на Гидроторфе!

Впервые очерк Б. Галина «Азарт юности» был напечатан в «Литературной газете» 22 апреля 1958 года, понятное дело, в день рождения «вождя мировой революции». Потом, выходит, он опять появился в апрельском номере «Октября» за 1960 год, ну а затем, расширенный и дополненный, вышел в издательстве «Советская Россия» в 1970-м.

К теме «Борис Галин и беллетризация» С.Н. Мотовилова вернулась через четыре года, в связи с выходом очередного беллетристического опуса – Владимир Архангельский. Ногин (в серии «ЖЗЛ»):

<...> Стиль, по-моему, пошловатый. Не выношу этой «беллетризации», как это называется, т.е. вранья. Галин (есть такой писатель) писал о [Р.Э.] Классоне. Как у него устроили на какой-то электропередаче воскресник*, все работали в воскресенье, и как пришел Классон и удивился, увидев свою дочь Катю всю вымазанную. Воскресник, правда, когда-то был, но Классон был тогда за границей и видеть этого никак не мог. Все – вранье из головы. А говорил Классон о Ленине (по Галину) таким уж противным подбострастным тоном, которым никогда Классон говорить не мог. (в письме сестре Вере, сентябрь 1964-го)

Тем не менее, Борис Абрамович Галин, готовя уже книгу «Строитель нового мира» (с тем же очерком «Азарт юности» и в том же верноподданном идеологическом ключе), хотя бы встречался с заслуженными энергетиками, с сыном Р.Э. Классона – Иваном Робертовичем, ездил с ним на «Электропередачу»:

В этой книге все строго документировано: биографии людей, факты, события. <...> На долю героев этих очерков выпало счастье работать под могучим Ильичевым крылом, выполнять задания Ленина, в тяжких условиях сурового времени выкладывать первые камни фундамента советской электрификации. <...> Всех их – инженеров, ученых, рабочих, профессиональных революционеров и партийных работников – воодушевлял ленинский воинствующий оптимизм, тот поразительный азарт юности, каким Владимир Ильич, по слову Горького, насыщал все, что делал.

<...> Я был на «Электропередаче» спустя много лет после гоэлровской эпопеи [1920 года]. В одно августовское утро мы выехали из Москвы электричкой до Павлова-Посада, там пересели на паровичок, который деловито повел три вагона на Электрогорск. Березы, озера, торфяники. Вот и электростанция имени Р.Э. Классона.

Моим спутником был сын создателя этой станции – Иван Робертович Классон. Он пошел по отцовской линии – инженер-электрик. Первую свою практику молодой Классон проходил на этой станции, учили его старые мастера и отец. Вот улица, здесь они жили когда-то с отцом, а соседями были Кржижановский, Винтер, Радченко...

Классон-сын уже сам старый человек; у него острые плечи, смуглое, с впалыми щеками лицо, черная с нитями седины голова. Он узнает и не узнает места своей юности, ищет старые приметы, внимательно вглядывается, жаждет увидеть, как он говорит, один исторический холм – там на суходоле стоял деревянный дом, в котором жили приехавшие из Москвы инженеры – те, что работали над планом ГОЭЛРО.

А вот и портрет самого Р.Э. Классона, по воспоминаниям тогдашнего студента Павла Николаевича Ефимова, который давно стал заслуженным профессором и читает лекции в Торфяном институте:

– К нам на практику? – спросил Р.Э., знакомясь с молодым студентом.

– Да, на летний сезон.

– Только? – засмеялся Классон и взял с собою молодого человека в поход по торфяным полям.

Классон был в старой охотничьей куртке, в мягкой шляпе, в высоких, плотно облегающих ногу сапогах, которые зашнуровывались спереди. Ефимов запомнил его крепкую, ладную фигуру.

---

* Понятно, что это не «какая-то электропередача», а станция «Электропередача» под Богородском-Ногинском.

Весь он был какой-то собранный, «отчетливый» – высоко вскинутая голова, чуть вьющиеся волосы и очень внимательные, «всеохватывающие» глаза. Лицо у него светилось умной, открытой улыбкой.

И еще из воспоминаний П.Н. Ефимова (в изложении Б. Галина):

Первое затруднение было связано с извлечением гидромассы из карьера. Обычные экскаваторы для этой цели оказались непригодными, так как скребковые цепи, захватывая с гидромассой и пни, постоянно рвались. Пришлось создавать особый тип машины, которая не боялась бы пней – так подошли к изобретению торфососа. Много моделей этой конструкции пришлось переменить, прежде чем добились устойчивой работы новой машины.

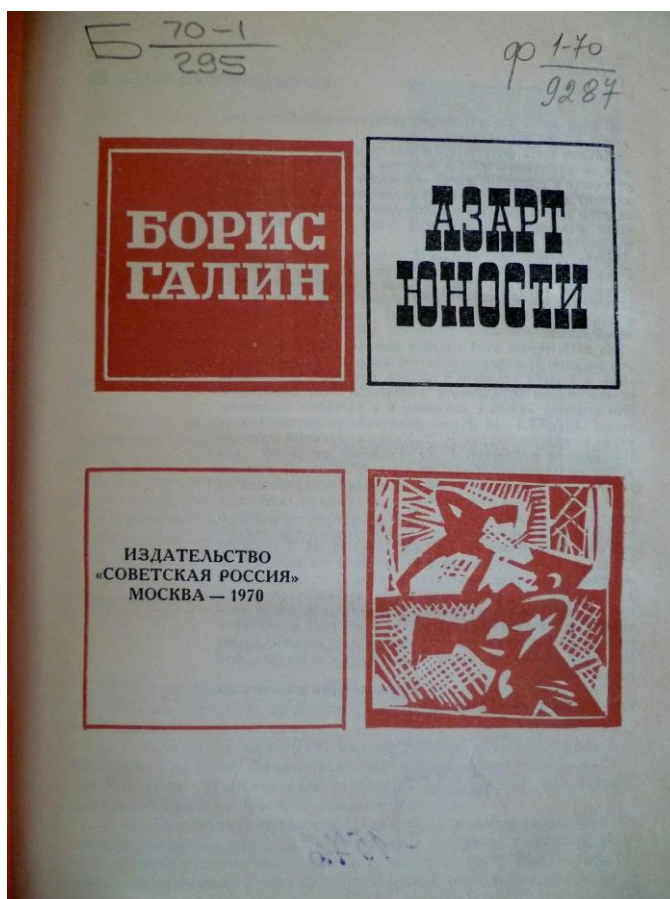
Больше всего забот было с мотором торфососа. Специальных, герметически закрытых, с дополнительной вентиляцией, моторов тогда не было, а обычные закрывать было нельзя из-за их чрезмерного нагрева. Инженер Ефимов хорошо помнит эти мытарства – к этому времени он уже работал заведующим опытными полями Гидроторфа. Сохранились у Ефимова эскизы чертежей и обычные, милые сердцу листки, иногда просто клочки бумаг, каждый из которых пробуждает столь дорогие воспоминания...

Надо было, например, изобрести – другого слова и не придумаешь – к мотору кожухи с примитивной вентиляцией. А кожухи были фасонные, замысловатой формы. Приехал из Москвы кровельщик Василий Иванович Яшанов с запиской от Роберта Эдуардовича.

«Приветьте человека, мастер он замечательный, он вам Венеру Милосскую из кровельного железа сделает».

Ефимов смеется:

– Венеру Милосскую ему изваять не пришлось, но кожух он сделал действительно прекрасный!

Борис Галин. Азарт юности

В то же время автор сих строк должен повиниться перед читателем: он выбросил на помойку одно из первых изданий (в мягком переплете, но с суперобложкой) книги Б. Галина «Строитель нового мира» с дарственной надписью автора И.Р. Классону. Уж больно этот самый автор «облизывал» основателя советского государства! По-видимому, я был не прав хотя бы в историческом отношении: этот «раритет» необходимо было сдать в архив.

Что же касается не преподнесенной И.Р. Классону книги Тамары Леонтьевой «Вторая программа [партии]» (документальная повесть), то она являла собой яркий образчик советской биографической беллетристики в самых худших своих проявлениях – с точки зрения достоверности (точнее, недостоверности). Какая к черту достоверность (тем более – документальность!), если на две трети (или даже на три четверти) она была заполнена высосанными из пальца диалогами типа:

<...> – Мы должны быть довольны тем немногим, что нам удалось из них выколлотить до сих пор, – сказал Винтер, понимая, о чем думает Классон. – Они и сейчас не дали определенного ответа. Я так и уехал [из Москвы]. Что же я буду там сидеть?

– Не дали?

– Нет... Ответа не дали.

– Печально, – протянул Классон.

– Они дадут деньги, – сказал [Герман] Красин. – Обязательно дадут! Я хочу сказать, – добавил он, улыбаясь Классону, – что если вы хотите кого-нибудь уговорить, то обязательно уговорите.

– Еще бы... Роберт Эдуардович обладает даром гипноза, – сказал Винтер. – Но я бездарнейший ученик.

– Что-то не замечал я этого за собой, – засмеялся Классон. – Если бы это было так, я выступал бы в цирке.

Он смеялся, но Винтер понял, что его учитель нервничает, и улыбнулся.

Классон не понял его улыбки.

– Вы, я вижу, смотрите на меня как на юродивого, – сказал он, отодвигая стул и вытягивая длинные ноги. – Это тривиально, друг мой: еще ни один шаг прогресса не обходился без людей, которые могут упорно отстаивать свои смехотворные позиции. <...>

В этой «оживленной беседе» на «Электропередаче» речь вроде бы велась о получении кредитов у западных банкиров для приобретения оборудования под механизацию добычи торфа. Время действия – «шло лето 1914 года».

Однако сам факт сих переговоров в Москве, почему-то без участия Р.Э. Классона, а лишь с привлечением его подчиненного А.В. Винтера, высосан из пальца.

В «письме в инстанции» И.Р. Классон так разоблачал подобное вранье «писательницы-документалистки»:

<...> «Болотный участок возле города Богородска был куплен ими (Классоном и Богомоловым) у местных помещиков за бесценку на чужое имя – не для получения прибылей, а для решения некоторых проблем электрификации...».

В этом абзаце, что ни слово, то неточность ошибка, неверное утверждение или фантазия (это в «документальной повести»!). <...>

<...> «Роберт Эдуардович Классон так же [как и подпольщик В.И. Богомоллов] имел основания оставаться в тени...». Совершенно неверно, Классон никогда не оставался в тени и не стремился к этому. Начав постройку «Электропередачи», он продолжал быть директором «Общества 1886 г.» в Москве, что было очень видным местом, а на «Электропередаче» был еще больше на виду у всех, а вовсе не «в тени».

«Он принадлежал в 1890-х годах к питерскому кружку марксистов – Глеба Кржижановского, Надежды Крупской, Степана Радченко, Струве и Потресова...».

Здесь спутаны вместе три марксистских кружка: один – студентов-технологов под руководством М.И. Бруснева, в который в 1889-91 годах входили Классон, С.И. Радченко, Н.К. Крупская и другие; второй кружок – революционных марксистов-технологов в 1890-х годах, в который входили С.И. Радченко, В.В. Старков, Г.Б. Красин и др. и вошел, по приезду в Петербург, В.И. Ульянов; третий кружок образовался в феврале 1894 г. из В.И. Ульянова, Радченко и Старкова от революционного кружка и Струве, Потресова и Классона от группы легальных марксистов.

<...> «Для того чтобы раздобыть материалы и машины, Классон поехал в Берлин и в течение каких-нибудь двух недель заинтересовал там своим предложением немецкие и швейцарские банки.... Представители иностранных банков поверили ему на слово и деньги перевели...».

Здесь все неточно, хотя автор книги и использовала воспоминания самого Классона об этой поездке в Берлин <...>. Материалы тогда «не раздобывались» (и Классон не был толкачом-снабженцем!), а покупались по мере надобности, машины для еще не начатой постройкой электростанции тогда – в конце 1911 г. – еще не заказывались. <...> И так, не «на слово», а банкиры разными методами (как говорил позже Классон, у каждого был свой, отличный от других, метод укрупненных расчетов!) в течение двух дней проверяли финансовые расчеты.

И ведь это были те же банкиры, которые финансировали «Общество 1886 г.» и, в частности, непрерывное, начиная с 1906 г. осуществляемое Классоном расширение Московской электростанции (у Общества были, кроме Московской, меньшие станции в Петербурге и Лодзи), и которые называли Классона «пожирателем миллионов»!

<...> «...не знаете нашего нового хозяина?... Он уже давно наш главный: Винтер Александр Васильевич. Классон ведь только наезжает теперь».

Неточно: Классон длительно не жил на «Электропередаче», а приезжал туда один-два раза в неделю на 2-3 дня. В 1914 г. в этом ничего не изменилось. Винтер с поздней весны 1912 г. служил помощником заведующего станцией (и жил в гостинице), а с сентября 1912 г. – ее заведующим.

«Оба (Классон и Винтер)... у него прикуривали».

Ненужная, тем более что неверная подробность: Классон не курил.

<...> Не «немцы», а И.И. Радченко неудачно пробовал повышать расценки торфяникам. Классон не требовал от немцев машин для механизации добычи торфа, а сам знакомился с имевшимися за границей машинами, заказал в Германии машину Штрэнге, одноковшовый экскаватор («Лёффельбаггер»), а в России – вновь сконструированные Классоном совместно с В.Д. Кирпичниковым «сепараторы для пней», которые испытывались на «Электропередаче» в 1914 г., но не решились дела.

Классон никогда не говорил и не писал, что «Общество 1886 г.» или банкиры ограничивали его в расходах на опытные работы по механизации торфодобычи. Так что неверно утверждение автора «Второй программы», что Винтер в 1914 г. по поручению Классона ездил в Москву просить «Общество 1886 г.» или немцев-банкиров дать денег для опытов по механизации, но получил отказ.

Многолетние работы по механизации добычи торфа, вылившиеся в гидравлический способ, Классон вел не с Винтером, а с В.Д. Кирпичниковым, выдающимся конструктором и инженером-изобретателем <...>. Сам Классон был техническим директором в Москве «Общества 1886 г.» и не мог поручить Винтеру вести переговоры с «Обществом 1886 г.» в Москве!

Правление этого Общества находилось в Петербурге, и Классон до 1918 г. часто ездил в [тогдашнюю] столицу для участия в заседаниях правления или переговоров с ним. <...>

<...> «...серые, чуть на выкате глаза...». У Классона никогда не были глаза чуть на выкате – см. его многочисленные фотоснимки (но только не копии с многократно переснимавшихся и каждый раз ретушированных до неузнаваемости копий в книгах, одна из таких искаженных копий помещена во «Второй программе» против стр. 129; хороший портрет Классона есть в Политехническом музее).

«...Я не терплю, чтобы мне возражали».

Восклицание совершенно не в стиле Р.Э. Классона.

Классон не привозил пианино, и в Доме правления его не было. Евгения Николаевна бывала на «Электропередаче» только изредка. Ни Е.В. Красина, ни Евгения Николаевна концертов на «Электропередаче» не устраивали и в тамошних самодеятельных концертах не участвовали.

Кроме того сын Иван утверждал: «Я не помню, чтобы отец когда-нибудь бывал на симфонических концертах, как внушает читателям Тамара Леонтьева».

И подобной беллетристической хренью заполнены сотни страниц, повторим, «документальной повести» Т. Леонтьевой! Более того, этот «биограф» ничтоже сумняшеся утверждал:

В коттеджах «Электропередачи», построенных по одному образцу – наверху две комнаты, а внизу три, – могла бы жить большая семья. Неизвестно, зачем нужно было Винтеру и Классону столько комнат. Правда, у Классона было пятеро детей. Однако никто из них не жил с отцом. Они жили в Москве с первой женой Классона, Софьей Ивановной. Только старшая дочка Сонечка была постоянной гостьей на «Электропередаче» – она была замужем за Богомоловым – да сын Иван с некоторых пор пристрастился к проблемам торфа.

Опровержение ложных тезисов насчет того, что «никто из детей не жил с отцом на Электропередаче» и что сын Иван в пятнадцать лет «пристрастился к проблемам торфа», оставим до очерка «Классонята», а здесь лишь отметим: первая жена Р.Э. Классона Софья Ивановна умерла еще в мае 1912-го, когда станцию только-только начинали строить!

Отличилась в попутной «беллетризации» «жизни после жизни» Роберта Эдуардовича (по-видимому, «вылизывая» в основном В.И. Ульянова-Ленина) и такая писательница как Ольга Берггольц, которая опубликовала отрывок некоего сценария или пьесы (в одной из газет в конце 1964-го – начале 1965-го?), что опять-таки вызвало отповедь его родственников:

<...> Как меня коробит то, что биограф Ногина пишет про меня, хоть это никакого значения не имеет, и как злит Ваню Классона сценарий [Ольги] Берггольц о встрече Крупской с Лениным [на охтинской квартире Р.Э. Классона], о раскладывании [Крупской] блинов, о том, что Классон [якобы] говорил «солидно (!)».

И главное возмутительно то, что есть же описание [встречи у] самой Крупской, о том, как это было [на самом деле], есть биография Классона, его переписка с Лениным, его статьи, где она могла уловить, каким достойным языком Классон всегда говорил! (из письма С.Н. Мотовиловой сестре Вере в январе 1965-го).

<...> А ты знаешь, я уже наверно тебе писала, как поэтесса Берггольц для своего фильма описывает блины у тети Сони на Охте? Тогда, когда Крупская впервые увидела Ленина. Будто бы Крупская раскладывала блины по тарелочкам, а Классон стоял рядом и будто бы говорил: «Солидно!». Ваня и Катя Классоны написали Берггольц письмо. Во-первых, что это не стиль Классона говорить: «Солидно».

Купец какой-нибудь мог тогда так говорить, и вообще это совсем иначе описывает Крупская в своих воспоминаниях. Она сидела в соседней комнате с Коробкой и т.п. Берггольц им не ответила. Не знаю, пошел ли ее фильм. Столько лжи в этих «воспоминаниях»! Ну зачем фантазировать, рассказывать то, чего не было, да и быть не могло! (из письма С.Н. Мотовиловой сестре Вере в октябре 1965-го)

Автору сих строк не удалось, попервоначально, найти ни упомянутого сценария, ни пьесы с похожим сюжетом.

В собрания сочинений О.Ф. Берггольц вошли такие литературные варианты сценариев как «Ленинградская симфония» (исполнение Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича в блокадном городе); «Верность» (трагедия в стихах о приморском городе, захваченном немцем, при этом Севастополь напрямую не упоминается); «Первороссияне» (в 1918 г. группа рабочих в Петрограде мечтает построить на Алтае город Солнца, им содействует в этом В.И. Ульянов-Ленин: “Из-за Невской [заставы]... Начало движения... Мой первый кружок... Надя... – [вспоминает он перед встречей с делегатами «Первого Российского общества землеробов-коммунаров», не тут ли был опущенный впоследствии сюжет о знакомстве с Наденькой у Р.Э. Классона «на блинах»?]), в результате коммунары стали строить Бухтарминскую ГЭС на Иртыше, водохранилище которой начисто затопит первую петроградскую коммуны); «Дневные звезды» (свободное «парение» над эпохами, лирическое путешествие по разным временам...); а также киноповесть «Они жили в Ленинграде» (позже переделанная в пьесу «Рождены в Ленинграде») – действие в основном происходит в красном уголке судостроительного завода во время блокады и голода.

Пришлось потратить полдня и съездить в Химки – в отдел газет РГБ. Там имеется вполне приличный каталог соответствующих публикаций советских писателей. Я им раньше воспользовался, чтобы выписать подобные вещи по Виктору Некрасову, и они мне хорошогодились при подготовке комментариев к очеркам “Софья Мотовилова – «семейная связь»” и «Виктор Некрасов в разных измерениях».

По разделу «Ольга Берггольц» быстро нашел подходящую публикацию: Первороссияне (фрагменты из одноименного сценария <...>). «Литературная газета», 1964, 29 декабря. И вот что я, после получения подшивки, накопал (мною подчеркнуты некоторые «перлы» сей «инженерши человеческих душ»):

От редакции. «Первороссияне» – так называется сценарий, над которым работает Ольга Берггольц. Мы знакомим сегодня читателя с фрагментами из этого сценария, посвященного созданному питерскими рабочими на Алтае Первому Российскому обществу землеробов-коммунистов.

<...> Метет, метет вьюга. Но уже не вьюга голодного и темного Петрограда [1918 года], а веселый предвесенний снежок за Невской заставой, на Охте, в одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году.

Масленица. В маленькой квартирке марксиста Классона, у стола под висячей лампой, собралось несколько человек. Это сам Классон, основательный, весьма интеллигентного вида мужчина, студент-технолог в форменной тужурке и нервозный в «чеховском пенсне», все время пощипывающий растущую из-под подбородка растительность человека, с суетливыми движениями.

И среди них – тоненькая, стройная, в светлой, глухой блузочке и длинной юбке, причесанная очень просто, по-русски, девушка с маленькими часиками на груди, с лицом одухотворенным, нежным, продолговатым, с большими задумчивыми глазами. Она смотрит на свои нагрудные часики и спрашивает:

– Ну, а приезжий волжанин придет?

Классон солидно ей отвечает:

– Придет, придет, он человек обязательный.

Нервозный интеллигент в пенсне, потирая руки и поеживаясь, говорит:

– А по-моему, сведения о его исключительной эрудированности преувеличены.

Классон отвечает:

– Не согласен. Он очень образованный марксист.

Студент-технолог выпаливает:

– А Глеб Кржижановский сказал мне, что он гений!

Общество негромко смеется. Наденька улыбается.

– Нет, в самом деле, – говорит она, – его тетрадка о рынках очень интересна.

Над дверью в прихожей звонит колокольчик. В дверях появляется Ленин. Его лоб уже сильно обнажен, но светлые волосы на темени и затылке вьются. Усы, борода, крупные, хорошего рисунка губы, быстрые, узкие, зоркие глаза. Вошел молодой Ленин.

Классон представляет ему общество:

– Ульянов... Ульянов... Ульянов... [*– в свою очередь представляется Ленин.*]

Рукопожатие с Надеждой Константиновной:

– Надежда Крупская...

– Владимир Ульянов.

...Вот общество сидит за столом. На столе – стопка блинов, тарелки. Надежда Константиновна за хозяйку. Она говорит с легкой улыбкой, обращаясь к Ленину:

– Владимир Ильич, прошу отведать конспиративных блинчиков. Хотите?

Ленин шутливо:

– Если конспиративные, то хочу.

Крупская оживленно:

– У нас на кухне заготовлен даже конспиративный шкалик и огурец! На случай визита дворника...

Проходит еще какое-то время. Начинаются споры.

– Мне кажется, – солидно говорит Классон, – что пора уже наметить пути нашей работы, пути нашего движения.

Интеллигенту в пенсне не терпится высказаться:

– Господа, мне кажется, что наиважнейшая работа – это работа просвещения нашего народушки. Народушко погрязает во тьме и пьянстве. Да, да, пьянства. Мы, марксисты, или те, кто именуется особенно знающими марксистами (многозначительный взгляд в сторону Ленина), должны идти работать в комитеты грамотности. Да, да, – замолчал и насторожился.

Минута молчания. Ленин засмеялся зло и сухо, сказал, не скрывая сарказма:

– Ну что ж, кто хочет спасти отечество в комитетах грамотности, – пожалуйста, идите. Мы не мешаем и мешать не будем.

Неловкое молчание. Ленин обводит глазами присутствующих с явным вызовом и неприязнью, и вдруг его взгляд встречается с добрыми и умными глазами Наденьки.

Наденька:

– Еще блинчик, Владимир Ильич?

– Не откажусь.

Они обмениваются улыбками взаимной симпатии, возникшей внезапно, таинственно. <...>

Вполне возможно, что после гневного письма Екатерины и Ивана Классонов так и не ответившая им Ольга Берггольц все же исключила упоминавшийся выше и «художественно оформленный» сюжет (блины на охтинской квартире Классонов и знакомство В.И. Ульянова-Ленина с Н.К. Крупской) из своего «эпохального произведения».

Автора этих строк, кроме дурацкого для описания речи интеллигента словечка «солидно», покорило применение термина «мужчина» к тому же Р.Э. Классону. Ведь он (термин) совсем из другой эпохи. Если в начале 1900-х его применяли в основном уличные проститутки: «Мужчина, угостите папироской!», то при «Софье Власьевне» уже все совженщины бесцеремонно обращались ко всем без разбору возраста и положения «товарищам» соответствующего пола: «Мужчина, вы последний за колбасой?», «Мужчина, вас здесь не стояло!».

И второе. Почему Наденька Крупская хозяйничала в чужой квартире? Ведь там же была хозяйка – Софья Ивановна Классон. Или, на худой конец, если она заболела, ее должна была замещать сестра Мария Ивановна, как упоминала С.Н. Мотовилова. В общем, советские литераторы, действительно, городили в своих сценариях и других беллетристических произведениях массу чепухи, но обязательно в идеологических рамках верноподданности «Софье Власьевне». Это, по-видимому, и был пресловутый «соцреализм».

На остальной бредятине типа характеристики интеллигента как *“нервного в чеховском пенсне», все время пощипывающего растущую из-под подбородка растительность человека, с суетливыми движениями”* мы останавливаться уже не будем. Правда, в воспоминаниях Н.К. Крупской именно Р.Э. Классон, «взволновавшись, пощипывал бородку». Но советские «инженеры человеческих душ», как мы еще увидим, совершенно произвольно переносили какие-либо яркие приметы и формы поведения с одних исторических персонажей на другие...

А вот еще одно «произведение искусства соцреализма», на сей раз художественный фильм «Надежда» режиссера Марка Донского (киностудия им. Горького, 1972 год). Действующие лица и исполнители: Р.Э. Классон (актер Леонид Елинсон), Г.М. Кржижановский (Михаил Ножкин), В.В. Старков (Вячеслав Подвиг), В.И. Ленин (Андрей Мягков), Н.К. Крупская (Наталья Белохвостикова) и многие другие. Сценарий написала Ирина Донская совместно с Зоей Воскресенской.

Кстати, Р.Э. Классону в «историческом году знакомства В.И. Ульянова с Н.К. Крупской» было 26 лет, а игравшему его актеру Леониду Абрамовичу Елинсону, на момент съемок фильма «Надежда» – 38 лет!

В этом фильме есть сцена той же встречи на масленицу (конец февраля ст. стиля 1894 г.) в охтенской квартире Р.Э. Классона. Попробуем оцифровать некоторые диалоги:

Появляется Ленин. Старков представляет ему наиболее заметных персонажей.

– Старков. Хозяин квартиры Роберт Эдуардович.

– Ленин. Очень приятно. Ульянов.

– Классон (в пенсне, с усами и бородой, почти непрерывно курит!). Прошу вас.

<...> – Старков. Надежда Константиновна Крупская. Наша надежда, вера и любовь.

– Ленин. Очень приятно. Ульянов.

– Крупская (через несколько секунд, в спину Ленину и пожимая плечами). Старик... (за стол так и не садится, периодически будет показываться крупным планом, как она стоит недалеко в белом передничке и очень внимательно слушает Ленина)

Актер Леонид Елинсон (и рядом жена-хозяйка квартиры?) по фильму «Надежда»

– Классон. Прошу вас, друзья мои, присаживайтесь, сейчас будут блины. Прошу.

– «Неизвестный, бородатый». И впрямь блины, не конспиративные?

– «Неизвестная» (хозяйка квартиры С.И. Классон?, в пенсне, подавая блины горкой и садясь за стол). Нет-нет, всамделишные.

<...> – Классон (в результате монтажа кадров то сидит рядом с женой и управляется с блином, то оказывается сидящим во втором ряду и опять курящим!). Я думаю, что естественный ход развития человеческого общества все равно приведет к социализму.

– «Неизвестный» (Н.И. Шевлягин?, сидя, из второго ряда). Надо сначала научить рабочих грамоте.

– «Другой неизвестный» (стоя, из заднего ряда). Да-а. И поддержать экономическую борьбу.

– Ленин. Ну что же, кто хочет спасти отечество в комитетах грамотности, мы мешать не будем. Но, к вашему сведению, и в арифметике можно найти социальный смысл. А от экономической борьбы надо переходить к политическим требованиям. Мы должны содействовать развитию и организации рабочего движения в России. И преобразованию его из сегодняшнего состояния разрозненных кружков, лишенных руководящей идеи, попыток протеста, бунтов, стачек, в организованную борьбу всего русского рабочего класса. Человек будущего – рабочий!

<...> – Классон (опять вовсю дымит!). Блины, друзья мои, блины! (оказывается, Наденька так заслушалась своего будущего жениха, как и остальные хозяйки, что вовсе забыла про очередную порцию блинов на плите, и они сгорели)

Ну и так далее. Итак, по сценаристам Зое Воскресенской и Ирине Донской (жене режиссера), любимым обращением Р.Э. Классона было якобы «Друзья мои» (!?), а по режиссеру М. Донскому – он был заядлым курильщиком (!?). Мы уже приводили воспоминания Н.К. Крупской, согласно которым она во время этой бурной дискуссии сидела в соседней комнате и, кроме того, блинами вообще не занималась (или же они были уже приготовлены?). По-видимому, их пекла Мария Ивановна Мотовилова, а посему сгореть они никак не могли.

Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь. Подошел Классон и взволнованный, пощипывая бороду, сказал: «Ведь это чорт знает, что он говорит». «Что же, – ответил Коробко, – он прав, какие мы революционеры?».

А вот не очень политкорректную, пусть и искреннюю, реакцию Роберта Эдуардовича – «Ведь это чорт знает, что он [\[\(Ленин\)\]](#) говорит» – постановщики фильма «Надежда» похерили.

Приведем здесь отзыв С.Н. Мотовиловой (в письме московскому корреспонденту) и на готовившуюся к публикации в 1963-м книгу «третьего биографа», М.О. Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон»:

Из того, что я прочла в этой биографии о деятельности Классона в Баку, а затем по строительству этой станции возле Богородска, он мне рисуется не только знающим инженером, но и прекрасным организатором, строителем, человеком, устремленным к пользе дела и понимающим, что работа может хорошо быть поставлена, если в хороших условиях работает и служащий.

Причем он не боялся брать на работу людей порой малоподготовленных, не гонялся за дипломами, и умел сделать из них настоящих, хороших работников. Ведь это он вывел в люди Ивана Ивановича Радченко, какого-то бывшего бухгалтера, который потом стал его начальством!*

У Классона была одна цель: дело и польза его, к этой цели приспособлялось все остальное. Как-то Вы писали, что из бывших у него практикантов один Винтер оказался выдающимся (а он ведь был взят просто как исключенный из Киевского политехникума студент), а ведь и Кирпичников был тоже у Классона практикантом, а ведь он был и хороший инженер, и талантливый человек, написавший лучшие статьи.

<...> Когда мама видела Классона и рассказывала ему, что она ездила в Швейцарию в 1923 г., и поручительство за нее дала ее подруга швейцарка, Классон сказал, что и он был в те годы в Швейцарии, и что за него поручились все швейцарские банки. Я никак понять не могла, какое отношение имеют [\[друг к другу\]](#) швейцарские банки и Классон. Вот, что меня пугает. Так ли поймет читатель, ту громадную пользу, которую приносил стране Классон.

<...> Я не любила Классона – не мой стиль, он мне казался каким-то Базаровым, но несомненно он был очень выдающийся и очень благородный человек. И скольким людям он помогал: и Красину, и Кржижановскому, и Воровскому, и Винтеру, всех полулегальных (и нелегальных) к себе на службу принимал.

Хотя Р.Э. Классон скончался в самом расцвете своего творческого потенциала, но произошло сие печальное событие весьма своевременно, как это ни цинично звучит (о чем мы уже упомянули). Тем самым он избежал трагической участи, как потом станет понятно, многих сотен «буржуазных спецов», обвиненных во вредительстве и шпионаже в пользу иностранных разведок, сосланных в лагеря или сразу же расстрелянных.

---

* В ф. 9455 РГАЭ хранится официальный отзыв от 14 декабря 1911 г., за подписью Г.М. Кржижановского: «Настоящим подтверждаю, что Иван Иванович Радченко лично мне известен, как опытный организатор счетоводно бухгалтерской части. Работы, порученные ему по организации счетоводства и составлению инвентарных отчетов при Петербургском Отделении О-ва [\[Электрического Освещения 1886 года\]](#), были произведены в кратчайший срок и с отменным знанием дела».

В том же фонде имеется официальное письмо от 19 декабря 1914 г., подписанное Р.Э. Классоном и Г.М. Кржижановским: «Милостивый Государь, Иван Иванович. Настоящим письмом Вы приглашаетесь на службу Московского Акционерного Общества «Электропередача» в качестве заведывающего торфяным хозяйством и управляющего имением «Буньково» на 1915-ый год с окладом годовичного жалования в 4 800 рублей. <...> Кроме установленного жалования в 4 800 рублей в год и обычного годовичного вознаграждения соответственно означенному окладу, Вы имеете получить особое вознаграждение, в зависимости от успеха торфяной кампании 1915 года, однако во всяком случае, не должно быть менее 600 рублей».

В подтверждение этого весьма смелого утверждения обратимся к стенограмме «процесса Промпартии», которая была издана в 1931-м. В обвинительном заключении указывалось, что, по показаниям Л.К. Рамзина, кроме выведенных на данный процесс обвиняемых, во главе отдельных, обособленных друг от друга головных звеньев, игравших роль соответствующих отраслевых центров, которые устанавливали связь далее книзу, т.е. к низовым и периферийным ячейкам, стоял не один десяток человек.

В частности по торфяной промышленности и по МОГЭС упоминался наш старый знакомый В.Д. Кирпичников, занимавший должность члена правления МОГЭС и директора Института торфа (Инсторфа). И все перечисленные Л.К. Рамзиным «вредители» были либо уже осуждены ОГПУ, либо привлечены к уголовной ответственности каждый по соответствующей отрасли промышленности. Поэтому в «верхушечный процесс Промпартии» они включены не были.

Наиболее полные воспоминания о том, как чекисты фабриковали дело о «вредительстве» в МОГЭСе, оставил Ф.А. Рязанов, работавший, как уже упоминалось, с В.Д. Кирпичниковым и А.В. Винтером с 1914 года (здесь и ниже – из ф. 9592 РГАЭ):

В конце 1930 г. постепенно один за другим был арестован ряд видных инженеров Мосэнерго, в том числе В.И. Яновицкий, В.Д. Кирпичников, Б.В. Крылов, Б.А. Барсуков и несколько ведущих работников электростанций. Сначала мы недоумевали, каким образом они могли оказаться вредителями. Но после ареста Барсукова, человека, которого я знал очень близко и в честности которого я был уверен и никак не мог поверить, что он вредил государству, я стал сомневаться в виновности и остальных. Наконец в один день были вызваны в ГПУ [на Лубянке] я и [инженер МОГЭС] Петр Григорьевич Грудинский и арестованы.

<...> При аресте мне было предъявлено несерьезное обвинение в том, что я, главный инженер 1-й МГЭС, довел запас нефти на станции до однодневного расхода. Мои объяснения и письменное заявление о том, что в течение более чем полмесяца я бил по этому поводу тревогу всюду, включая высшее начальство и Моссовет, который распределял нефть, не помогли. Через неделю меня впервые вызвали на допрос и предложили писать о диверсионной организации и вредительстве на станции.

О нефти разговора и не было. Конечно, писать мне было нечего. Вначале я просидел на Лубянке два месяца в общей камере, где было десять человек.

Условия были сравнительно сносные. Получал от жены бельевые и продовольственные передачи. <...> В течение этого времени меня часто вызывали на допрос, держали там по полчаса и больше, но время проходило однообразно. Допрос обычно проводился наиболее мирно настроенным следователем Ф.И. Протасовым. Он спрашивал: «Ну как, Федор Алексеевич, будем писать?» Я обычно отвечал: «Вы же знаете, Федор Иванович, что писать мне не о чем». На это он спокойно отвечал: «Писать нужно, нужно». После этого отправлял меня обратно в камеру.

Через два месяца такие мирные встречи со следователем кончились. Меня перевели в одиночную камеру и лишили передач. Это было чувствительно. Без передач было довольно голодно. <...> Сильно страдал я из-за отсутствия бельевых передач. Приходилось раз в неделю в бане потихоньку стирать единственную сорочку и сушить ее в камере. По истечении нескольких дней вызвали на допрос. Характер допроса изменился. Сообщили, кто из арестованных могэсовцев написал обо мне, что я входил во вредительскую организацию. Через несколько дней показали частично писательства некоторых инженеров, в том числе и схему организации диверсионных ячеек, причем во главе диверсионной ячейки 1-й МГЭС значился я. Я ответил, что ни в какую вредительскую организацию не входил и это утверждение голословно. «Как же не входили, если ГПУ утверждает это, а ГПУ никогда не ошибается».

Меня это взорвало, и я ответил: «Что же ГПУ – папа Римский, который тоже никогда будто бы не может ошибаться? Я вот тоже могу утверждать, что Вы входили в такую организацию». Этого даже спокойный Федор Иванович вынести не мог. Он густо покраснел от гнева, поднялся и так стукнул кулаком по столу, что чернильница упала на пол.

Весьма опрометчивое заявление сделал «доброму чекисту» Ф.А. Рязанов, могли бы из-за него озлобиться и расстрелять как махрового контрреволюционера. А вот конец этой эпопеи, включая и встречу с коллегой по 1-й МГЭС и «Электропередаче»:

<...> Потом устроили очную ставку с В.Д. Кирпичниковым. Он чувствовал себя при этом неважно, старался не смотреть мне в глаза, но «по-дружески» советовал мне писать. Так как это не заставило меня писать, то при допросах стали угрожать, что своим упорством я не только погублю себя, но и семью.

Вслед за этим был инсценирован арест жены. Сначала приоткрыли дверь в комнату, где сидела жена, и следователь ее допрашивал. На другой день показали, как ее ведут по коридору с конвойным, якобы из тюрьмы на допрос. Все это, конечно, меня сильно удручало. Появились сомнения, правильно ли я поступаю. Ведь написали же всякие выдуманные «вредительства» многие инженеры, лишь я один не пишу. Вероятно, думал я, им дадут какое-то наказание, а по отбытии его они будут жить, а вот этого нельзя [будет] сказать обо мне. Кроме того, появились мысли и о том, что действительно своим «упорством» погублю всю семью.

В этот трудный момент я услышал разговор дежурного по тюрьме с Кирпичниковым. Оказывается, он сидел в камере против моей. Из разговора я понял, что ему предоставлены кое-какие льготы. Дежурный относился к нему предупредительно, даже по просьбе Кирпичникова открывал иногда на время дверь его камеры [для проветривания]. Ох, как ненавидел и презирал я в то время Виктора Дмитриевича.

Но вот однажды я решил выглянуть в коридор через небольшое отверстие размером сантиметров двадцать на двадцать, сделанное в стене для освещения камеры [из коридора]. Отверстие было на уровне немного выше моей головы, и я встал на койку.

Как раз в этот момент подошел к такому же отверстию в своей камере Кирпичников. Он быстро знаком показал, что хочет мне что-то сказать. Действительно, через минуты две он поднес к отверстию серую бумагу, где было написано примерно следующее: «Не сердитесь на меня, я желаю Вам только лучшего. Поверьте, что я очень долго держался и начал писательства лишь после того, как убедился, что [чекисты] пойдут на все, вплоть до физического уничтожения». Написано это было в два или три приема, так как приходилось писать очень крупно, чтобы я мог прочитать.

Когда он по выражению моего лица убедился, что я изменил к нему свое отношение, он путем письменных вопросов узнал, что я давно не получаю передач и предложил кое-чем подкормить меня. Написал, что при очередном выпуске в уборную он попросит выпустить его вне очереди как раз передо мной и оставит для меня сверток на бачке для воды над унитазом.

Когда стали выпускать в уборную, я с замиранием сердца прислушивался к тому, что происходит в коридоре. Слышу, как только захлопнулась дверь в соседней камере, Кирпичников попросил дежурного срочно его выпустить, так как у него сильно схватило живот. За ним выпустили меня. На одном бачке я заметил небольшой серый сверток. Улучив момент, когда только что закрылся глазок в двери, я быстро встал на унитаз, достал сверток и спрятал у себя на груди.

В этот вечер я с огромным удовольствием смаковал бутерброд с колбасой и две мармеладки. Через день-два подобная передача повторилась.

Вскоре после этих событий на меня при допросе был произведен сильный нажим сразу двумя следователями, потом подошел и третий. Мне показали еще одно писательство с разоблачением меня и требовали, чтобы я начал писать. При этом они сказали: «Неужели Вы думаете, что мы поверим Вам одному, когда против Вас написали семь человек». Я был уже к этому времени сильно надломлен и решил, что, пожалуй, для меня лучше будет начать писать.

Я сообщил об этом следователям, но добавил, что не знаю о чем писать. На это мне ответили: «Вам достаточно сообщали и показывали, о чем пишут другие». Я согласился писать. После первых фраз о том, что я потворствовал вредительству, мне дали письменные принадлежности, чтобы я писал дальше в камере. При последнем допросе вторым следователем был Григорьев, третьим – Семенов, оба очень жестокие.

Вслед за этим мне были вновь разрешены передачи, устроили свидание с женой и скоро перевели в общую камеру. С Кирпичниковым мы стали переписываться сразу же, как только я получил бумагу и чернила. Письма писали на серой бумаге печатными буквами и запихивали их за стенку общих умывальников в уборной, где с правого верхнего края отскочила штукатурка и образовалась щель. Корреспонденция проходила благополучно, и два-три раза я получал письма от него и отправлял ему.

Однажды я взял очередную корреспонденцию, но в камере убедился, что это было мое последнее письмо. На следующий день я положил его опять на место, но его все не брали. Дня через два после этого я решил, что Кирпичников покинул уже Лубянку и уничтожил свое письмо.

Как узнал я позднее, оказалось, что после пересмотра дела МОГЭС и указания считать ранее установленные Военной коллегией Верховного суда СССР меры наказания «условными», В.Д. был направлен в Бобрики*, где вместе с другими ведущими инженерами МОГЭС работал в Особом конструкторском бюро – в основном по проектированию электростанций.

Петр Григорьевич Грудинский, который находился тоже там, недавно рассказал мне, что он много работал в ОКБ вместе с В.Д. и выполнял для него всю чертежную работу по мельнице-пушке и по туннельному котлу к проекту Турбокотла. В первое время по приезде в Бобрики они вместе ходили под конвоем на строительство электростанции в период начала фундаментных работ. В.Д. не понравились ранее запроектированные фундаменты, и он предложил новые, столь же надежные, но значительно упрощенные и более дешевые. Они и были приняты к исполнению.

<...> Кроме племянника В.Д. в Бобриках навещали его сын – Юрий Викторович и падчерица Люция Карловна Краузе. Л.К. сообщила мне, что <...> в конце 1930 г. [его жену] Люцию Ивановну продержали около десяти дней на Лубянке, причем В.Д. показывали, как ее водили на допрос с конвойным и как она на допросе плакала. Это был один из приемов заставить В.Д. писать про себя, как про вредителя.

Рассказала она и о том, что вскоре после смерти [своей матери] Л.И., которую она переживала столь тяжело, что никто при ней не считал возможным упоминать об умершей, за ней приехал следователь и привез ее на Лубянку. Там предложили ей сообщить В.Д. о смерти Л.И. С ней сделался сильнейший припадок. Все очень перепугались, и ее отнесли в закрытую машину и в бессознательном состоянии внесли в квартиру, где она очнулась только через несколько часов.

---

* С 1934 г. – Сталиногорск, с 1961 г. – Новомосковск Тульской обл., где более 20 тыс. эков строили Сталиногорскую (теперь Новомосковская) ГРЭС.

В одиночке я провел два трудных месяца. В следующей, общей, камере прожил без всяких вызовов еще около двух месяцев. Это было время тревожных ожиданий.

<...> Наконец вызывают меня с вещами. У подъезда стоял закрытый фургон – «черный ворон», как тогда его называли. Привезли в Бутырскую тюрьму и направили в одну из общих камер. Камера была большая – не меньше чем на 40-60 чел., с двухэтажными нарами по обеим боковым стенам. На Лубянке камеры с койками были уютнее. Две ночи пришлось провести на полу, так как все места на нарах были заняты.

<...> Как-то меня вызвали из [уже другой, откуда заключенные обычно покидали тюрьму, круглой] камеры, прочитали решение Военной коллегии. Выяснилось, что я обвинен по трем пунктам статьи 58 – во вредительстве, диверсии и в чем-то еще. И приговорен к десяти годам заключения. Потребовали расписаться в том, что я извещен об этом.

Через несколько дней после этого меня вызвали с вещами. Думал, что отправят куда-нибудь на Магнитку или дальше. Но никакого транспорта на этот раз не было, а предложили идти в проходную. Здесь мне выдали мой паспорт и сказали, что свой портфель могу получить завтра на Лубянке у одного следователя. Когда я спросил, куда я должен идти, мне ответили, что куда хочу. Тут же спросили, известно ли мне, что дело МОГЭС пересмотрено и приговор считается условный.

Я ответил, что об этом ничего не знаю, и спросил, что значит – «условный»? Он объяснил так: если в течение десяти лет за мной не будет замечено ничего предосудительного, то все будет в порядке.

<...> [На Лубянке] работник, к которому меня направили, сказал, что вряд ли мне удобно вернуться на работу в МОГЭС, и предложил поехать на оборонный химический завод №80 имени Свердлова близ Горького. <...> Директор завода предложил мне занять должность главного энергетика. <...> В январе 1932 г. пришлось ехать на Горьковскую ГРЭС, где мне предложили быть главным инженером станции.

В 1958-м Ф.А. Рязанова «попросили зайти» на Лубянку:

Там предъявили мне мои основные «писательства», в которых я сообщал о своих «вредительствах». Это касалось главным образом перевода 1-й МГЭС с нефти на уголь и сооружения нового распределительного устройства на 6 600 вольт.

Хотя проектирование этих устройств не относилось к функциям 1-й МГЭС, но я как главный инженер обвинялся в том, что не проявил достаточной настойчивости в ускорении перевода станции на уголь и не протестовал против «излишне роскошного» распредустройства, которое в связи с этим дорого стоило.

После того, как я прочитал там свои «писательства», представитель Госбезопасности спросил, правильно ли то, что я писал. Я ответил, что совершенно неправильно. Станцию нерационально было переводить на уголь, а щит 6 600 вольт построен рационально в соответствии с требованиями того времени. Далее он сказал: «Значит, если бы станция была переведена на уголь, это и было бы вредительством?» Я ответил: «Совершенно правильно, это было бы вредительством».

Выходит, чекистам в 1931-м так и не удалось приписать ему руководство мифической «низовой террористической ячейкой». В своих черновых записях И.Р. Классон зафиксировал: «Из примерно пятидесяти энергетиков МОГЭС не сознались [во вредительстве] лишь трое – Николай Николаевич Вашков, Дмитрий Иванович Верещагин и Николай Иванович Языков». (ф. 9508 РГАЭ) Но это, конечно же, не их (47-ми энергетиков) вина!

К дальнейшей «линии жизни» Ф.А. Рязанова мы еще вернемся в главе «Классонята», имея в виду, что сын Роберта Эдуардовича Иван тоже работал энергетиком, наверняка встречался с сослуживцем своего отца и, кроме того, в любой момент тоже мог быть обвинен во «вредительстве».

А здесь отметим, при всем нашем уважении к видному инженеру В.Д. Кирпичникову, что гораздо более крупной, выигрышной фигурой для чекистов был бы именно Р.Э. Классон. И именно ему, как члену правления МОГЭС, могли бы быть предъявлены многие из обвинений, звучавших на процессе «московских энергетиков» 1930-31 годов.

Например такое: МОГЭС находится в состоянии перманентного кризиса электроснабжения, отставая с располагаемой мощностью станций от потребности в энергии, благодаря этому приходится отказывать в присоединении новым абонентам и допускать крупные нерациональные затраты на постройку мелких станций.

Или такое: задержка развития добычи торфа и подмосковного угля велась в значительной степени при помощи пропаганды явно невыгодных методов использования этих видов местного топлива, а именно метода сложной химической переработки, устройства дальнего искусственного газоснабжения и т.д. В торфяной промышленности было сильно задержано и внедрение весьма выгодного и целесообразного метода добычи – а именно фрезерного торфа.

Действительно, Л.К. Рамзин показывал:

По торфу, наряду с отвлечением внимания торфяников в сторону сложных способов химической обработки торфа, в сторону брикетирования, коксования и т.д., одновременно было сильно задержано и введение в жизнь весьма выгодного и целесообразного метода добычи торфа, именно – фрезерного торфа.

<...> Можно сказать, что этот способ является вдвое более дешевым чем формовочный и другие. В отношении этого способа проводилась такая линия, что не отрицали самого способа как такового, но каждый год конкретное осуществление добычи торфа этим способом фактически проводилось чрезвычайно небольшое. И до сих пор количество добываемого торфа невелико. <...> Стоимость торфа в этот период выражалась весьма высокими цифрами. Она колебалась от 12 до 13 коп. за пуд на болоте и доходила до 16 коп. с доставкой потребителю.

<...> Фрезерный способ добычи торфа решал, и очень радикально решал, первую часть проблемы, а именно удешевление самой себестоимости торфа на болоте. Вместе с этим для того, чтобы отвлечь внимание торфяных кругов от этой основной проблемы понижения себестоимости, был выдвинут чрезвычайно сложный способ переработки, а именно брикетирование, коксование и т.п.

<...> При таком положении торф оказывался одним из наиболее дорогих видов топлива. Таким образом, [вредительская] задержка шла и по плановой линии, путем искусственного преуменьшения планов, и по линии чисто экономической, т.е. поскольку торф являлся менее выгодным экономически, естественно, что по логике жизни это задерживало его внедрение, это давало сильные аргументы в сторону преуменьшения планов торфяной добычи.

Например, в ноябре 1925-го член правления Госторфа В.Д. Кирпичников запросил на финансирование работ Опытно-Научной Части уже расформированного Гидроторфа (переоборудование опытного завода по обезвоживанию, постройка второго такого завода, различные опыты по термической переработке торфа) 2,9 миллиона рублей в течение трех лет. В том же месяц был составлен и доклад по Гидроторфу, подводящий итоги прошедшей торфяной кампании и работы опытного завода по искусственному обезвоживанию торфа.

В конце доклада опять выдвигались немалые «денежные запросы»:

Завод может вырабатывать как торфяной порошок, сжигаемый на месте (районные электроцентралы) с таким же к.п.д. как нефть, так и брикеты, наиболее ценные для домашнего потребления и паровозов.

Завод на 75 000 тонн брикетов в год стоит около 3 500 000 руб. Себестоимость брикетов с 15% влажности (4000 килокалорий/кг) – около 10 коп./пуд. Рентабельность завода доказывается 20% прибыли на затраченный капитал.

Так вот, чекисты вполне могли предъявить Р.Э. Классону, буде он еще жив в 1930-м, грозное политическое обвинение: руководство вредительско-шпионской организацией, одним из важных «головных звеньев» Промпартии, а может быть даже и членство в ее центральном комитете! По всем этим обстоятельствам мы и сделали смелое утверждение: Роберт Эдуардович умер весьма своевременно!

И это нынешнее, смелое утверждение автора совпало, оказывается, с более чем полувековой давности предположением брата В.Д. Кирпичникова!

Из письма Сергея Дмитриевича Кирпичникова И.В. Джугашвили-Сталину от ноября 1940-го:

<...> Мой брат по ложному доносу был арестован, но по докладу С. Орджоникидзе обвинение было снято (не помилование); брат восстановил и достроил ТЭЦ на Березниковском [химическом] заводе, за что получил [от Серго Орджоникидзе] орден Ленина, автомобиль и квартиру. Но старое, вынужденное Ягодой, признание вины – осталось, а все следователи уже давно расстреляны, и брата вновь арестовали три года тому назад. Где и как он сидит, родные не знают.

<...> Что проделали Ягода и другие, всем известно, какими методами получали сознание – уже не секрет. Моему брату шестьдесят лет. Это – один из числа первых десятков лучших и талантливейших наших инженеров, это человек, в честности которого не сомневается ни один человек, знавший его. Здесь просто недоразумение или ложный донос, который может стоить жизни человеку. Для меня бессмысленно обвинение брата, большевика, члена Стокгольмского съезда, человека, имя которого не запятнано ничем и который, конечно, был вреден для Ягоды своей полезной работой. Если бы остался в живых [Р.Э.] Классон – и он, несомненно, сидел бы там же, где брат. (ф. 9592 РГАЭ)

Тезис С.Д. Кирпичникова «где и как он сидит, родные не знают» исходил из того, что при режиме кровавого И.В. Джугашвили-Сталина о расстрелах «врагов народа» родственникам не сообщали, а издевательски оформляли их как «10 лет лагерей без права переписки». Поскольку Р.Э. Классон не дожил до 1930-го и тем более до 1937-го, то «крупного инженера и даже не вредителя» с почестями похоронили, как мы описывали выше, на Новодевичьем кладбище.

А вот еще одно живописное свидетельство в воспоминаниях Ф.А. Рязанова – Н.И. Языкова, знавшего Р.Э. Классона еще со времен его учебы в Технологическом и арестованного то ли в самом конце 1930-го, то ли в начале 1931-го:

Умер Николай Иванович в 1936 г. от инсульта на лестничной клетке, когда поднимался к себе в квартиру. Через несколько дней после его смерти на квартиру явились агенты ГПУ и спросили Н.И. Языкова. Его дочь [Валентина] поинтересовалась, зачем он им нужен и почему не оставляют старика в покое. На это они ответили, что Н.И. Языков большой специалист. Дочь объявила, что «большой специалист» не захотел ждать, чтобы его арестовали второй раз, и недавно умер.

Уместно здесь напомнить, что при первых арестах в 1930 г., когда взяли видных инженеров МОГЭСа, Н.И. Языков как-то сказал: «Вот Роберт Эдуардович не захотел ждать, когда его арестуют – заранее умер». В 1936 г. и Николай Иванович последовал этому примеру своего бывшего старшего товарища. (ф. 9592 РГАЭ)

А вот впечатления уже вполне взрослого сына Роберта Эдуардовича:

Нашей семье аресты в начале 1930-х миновали. Станция «Электропередача», названная именем Р.Э. Классона после его смерти в 1926-м, продолжала и продолжает носить его имя. В то же время портрет Р.Э. Классона в зале заседаний Правления МОГЭС (Управления Мосэнерго), который я видел в мае-июне 1930 года, когда работал до Каширы в Техническом отделе Правления МОГЭС, был, по-видимому, в конце 1930-го снят.

Однако главный врач поликлиники 1-й МГЭС и МОГЭС М.А. Бурштейн имел гражданское мужество сохранить тогда на стене против входа в свой кабинет портрет Р.Э. Классона.

Сохранение названия станции имени Р.Э. Классона в сущности не означало сохранения признания руководством страны его заслуг. Ведь остались в 1930-х и поныне улицы Л.Б. Красина в Москве, Кургане, Челябинске, карандашная фабрика в Москве им. Л.Б. Красина и даже ледокол «Красин», в то время как в книге по истории ВКП(б) он был назван предателем.*

Валериан Иванович Богомолов сообщил в начале 1930-х нам, детям Р.Э. Классона, со слов тоже старого, как и он, большевика Эйсмонта, тогда еще не репрессированного, что в Политбюро рассматривался вопрос, был бы вредителем Р.Э. Классон, если бы он дожил до 1930-х, и было решено, что был бы.

«Жизнь после жизни» Р.Э. Классона завершим скандальным сюжетом, связанным с получением его вдовой «наивысшей пенсии, как лучшего доказательства правильной оценки Советским Правительством работников-специалистов, так горячо и беззаветно служивших целям и задачам, которые ставило и ставит Правительство».

За два десятилетия (1926-1946) «наивысшая пенсия» превратилась в полунищенское пособие (хотя и была увеличена номинально с 225 руб. до 500 руб.). В фонде 5446 (СНК-Совмин СССР) ГАРФ хранятся письма Е.Н. Классон за ноябрь 1946-го и январь 1947 года на имя заместителя председателя Совмина СССР В.М. Скрябина-Молотова.

Речь идет о Евгении Николаевне (1875 – 1952), второй жене Р.Э. Классона (урожд. Сомчевской, в первом браке Виноградовой), детей у них не было. Их давний, фактический брак (с 1908-го) был зарегистрирован в ЗАГСе лишь в 1925-м. В молодости она некоторое время пела в опере Зимины в Москве. В 1920-х руководила самодеятельной оперной студией, «ставила голоса». Кстати в МОГЭСе служил еще при жизни Роберта Эдуардовича Всеволод Николаевич Сомчевский (брат Евгении Николаевны?), в 1926-м он занимал должность заведующего Юридическим отделом.

Итак, процитируем этот замечательный документ от января 1947 г., зримо отражающий дух «социалистической эпохи»:

В середине ноября [1946 г.], в Ваше отсутствие, я послала на Ваше имя письмо, копию которого я при сем прилагаю.

---

* Данный тезис требует дополнительного исследования. – Примеч. М.И. Классона

«В январе 1904 г. состоялась сессия Совета партии. <...> К этому времени некоторые члены ЦК заняли примиренческую позицию к оппортунистам-меньшевикам и кооптировали в свой состав трех меньшевиков. Ленин повел борьбу против примиренцев внутри ЦК (Носков, Красин, Кржижановский), разоблачил их роль как агентуры оппортунизма в рядах партии». // Ем. Ярославский. Очерки по истории ВКП(б), Партиздат ЦК ВКП(б). – Из Интернета

Это письмо было переслано в Министерство электростанций, для которого оно не предназначалось ни по содержанию, ни по форме. 20.XII я получила из Министерства электростанций следующую полуофициальную записку:

«Евгения Николаевна, в связи с вашим заявлением на имя Вячеслава Михайловича Молотова, Министр электростанций т. Жимерин Д.Г. дал Управлению Делами следующие указания:

- 1. Выдать Вам единовременное пособие в сумме 2 000 руб.*
- 2. Произвести за счет министерства в летний период 1947 г. ремонт Вашей квартиры в пределах 2 000 руб.*
- 3. Выдать Вам ордера на качественный ширпотреб – 2 ордера на шерстяные ткани и 5 ордеров на белье».*

Стороной я узнала, что Министерство электростанций возбудило ходатайство о значительном повышении моей пенсии. Я очень тронута отзывчивостью Министерства электростанций, по данным которого 70% всего торфяного топлива добывается способом «Гидроторфа», изобретенного моим мужем, и я нисколько не сомневаюсь, что 2 000 руб. есть максимум того, что министерство имело право мне выдать. Но я должна с прискорбием сказать, что эта сумма никак не может помочь мне выйти из того крайнего положения, которое описано в моем письме к Вам от ноября месяца и к которому я могла бы еще прибавить, что с наступлением тепла мне будет абсолютно необходимо выехать за город, что так же связано со значительными расходами, для меня непосильными.

В.М. Скрябин-Молотов, ознакомившись с предыдущим письмом (в копии) и с настоящей просьбой Е.Н. Классон, наложил на ней резолюцию: «т. Жимерину, [управделами Совмина СССР] т. Чадаеву, прошу принять меры». Так о чем же писала вдова, с «полунищенской, персональной пенсией», в ноябре 1946-го?

Этот документ еще гуще передает дух «социалистической эпохи», т.е. времени тотальной карточно-распределительной системы (хотя карточки вскоре и были отменены, но за советские рубли далеко не все и далеко не всегда можно было приобрести, даже в Москве и Ленинграде, которые были на особом положении, и особенно – в провинции):

В октябре прошлого [1945] года меня постигло тяжелое несчастье – кровоизлияние в оболочку мозга <...>. Спустя год, хотя и нахожусь в состоянии общей большой слабости при слишком высоком кровяном давлении, но владею собой настолько, что могу, прежде всего, оценить свой неоплаченный долг перед Вами и перед Советом Министров за то исключительное великодушие, с которым Вы и Совет Министров откликнулись на призыв моих родных о помощи, распоряжением по СНК СССР №17298-р от 2 декабря 1945 г.

<...> Я позволю себе сказать с чистой совестью, что я никогда не злоупотребляла весьма высокой оценкой Советским Правительством заслуг моего покойного мужа – Р.Э. Классона, как одного из самых выдающихся инженеров своего времени, пионера отечественной электрификации и изобретателя, выдвинувшего и оправдавшего практикой крупнейшую техническую идею использовать неисчерпаемые торфяные богатства Советского Союза, как новой мощной топливной базы для отечественной энергетики.

За 20 лет со дня его смерти я позволила себе обратиться к содействию высшего органа Правительства – СНК СССР только в период 1942-1944 гг. со следующими просьбами: о закреплении за мной двух комнат моей бывшей квартиры, об исправлении разряда моей персональной пенсии – не по РСФСР, а по СССР и о некотором улучшении моего питания и приобретении предметов широкого потребления.

Вторая жена Р.Э. Классона – Е.Н. Сомчевская-Виноградова в сценическом костюме

Результатом последнего была выдача мне Наркомторгом СССР абонемента на сухой паек и единовременного лимита на промтовары сроком на один месяц на сумму 1 000 руб., который мне не удалось использовать желательным образом.

В этот тяжелый период времени, когда мое здоровье и силы значительно пошатнулись и личный мой заработок от [частных] уроков пения свелся к минимуму, я должна была ликвидировать большую часть своего скромного домашнего имущества.

Поэтому, когда затем случился со мной удар, мои родные, не обладая средствами, были принуждены обратиться за помощью к Вам и, в Вашем лице, к Совету Министров. Та же причина заставляет меня обращаться к тому же великодушному источнику помощи и теперь, когда я отдаю себе полный отчет в своем положении.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович, я должна с полной откровенностью сказать Вам, что это положение явится совершенно безвыходным, если Советское Правительство вновь не проявит по отношению ко мне своей отеческой заботы в виде предоставления мне, в дополнение к моей персональной пенсии в 500 руб., необходимой пожизненной помощи, принимая в соображение кроме других и то обстоятельство, что я, как безнадежный инвалид, не только не могу отныне рассчитывать на какой-нибудь личный заработок, но бесповоротно вынуждена пользоваться постоянными услугами специального человека, находящегося на моем полном иждивении.

Что же касается моих внутренних ресурсов, то все они практически исчерпываются одним пианино, прослужившим мне 50 лет, и кое-какой весьма подержанной мебелью; причем я уже давно нуждаюсь в обновлении своей одежды, белья и обуви. Кроме того, нельзя не упомянуть о том, что проведение необходимой реформы по ликвидации нормированного снабжения, в ее переходной стадии, еще больше отягчает создавшиеся для меня условия <...>.

Отметим, что «реформа по ликвидации нормированного снабжения» означала замену продовольственных и промтоварных карточек «продажей» «товаров» в «магазинах» за «рубли». Здесь эти термины, вполне нормальные для рыночной экономики, приходится брать в кавычки потому, что при социалистической экономике они означали зачастую нечто совсем другое.

Например, под «продажей» могло подразумеваться, что какой-то «товар» был «выброшен» на прилавок, и тогда за ним выстраивалась огромная очередь. А если «товар» оказывался под прилавком или в кладовке, то его надо было «доставать» окольными путями. Помимо «магазинов» для рядового населения существовали и разнообразные «распределители» для приближенных к власти.

Кроме двух писем Е.Н. Классон В.М. Скрыбину-Молотову в фонде 5446 ГАРФ имеется и справка, по-видимому, предназначавшаяся для Комиссии по назначению персональных пенсий. Из нее следует, что вдова до 1 января 1945 года получала 300 руб., а затем пенсия была увеличена до 500 руб. в месяц. Распоряжением же СНК СССР от 2 декабря 1945 года ей было выдано единовременное пособие в размере 20 000 руб. и установлен «продовольственный лимит» в 300 руб. в месяц на «период нормированного снабжения».

В то же время министр электростанций СССР Д.Г. Жимерин в начале 1947-го возбудил ходатайство об увеличении гражданке Е.Н. Классон персональной пенсии до 1 500 руб. в месяц. Рассмотрев все обстоятельства, а также возможности «великодушного источника помощи» и исходя из «справедливой и доброй памяти о заслугах инженера Р.Э. Классона» (а короткая справка о нем тоже была приложена к бумагам), комиссия в феврале 1947-го решила увеличить размер пенсии, но не до 1 500, а лишь до 800 рублей.

Все эти цифры ничего не говорят нынешнему читателю. Поэтому попробуем воспользоваться «универсальным измерителем» – поллитровкой водки, хотя и здесь сравнение весьма условно. Итак, в 1945 г. рабочие получали по талонам табак и водку, условная стоимость последней составляла 60 руб., а на черном рынке – 350 рублей. В коммерческих магазинах ее можно было «отхватить за 200 рублей. Выходит, «персональную пенсию» Евгении Николаевны можно оценить не более чем в пару бутылок поллитровок! А вот «продовольственный лимит» тянул уже на 5 бутылок!!

Ну что же, остается только посочувствовать нашему народу, которому приходилось элементарно выживать «под большевиками» (за исключением, естественно, все той же «процветавшей» партийно-хозяйственной элиты, если это «процветание» не заканчивалось арестом и расстрелом).

В мае 2015-го мой давний знакомый, редактор журнала «Нефтяное хозяйство» Юрий Викторович Евдошенко прислал документы из того же ф. 5446 ГАРФ, которые детализируют упомянутый выше сюжет:

<...> Я позволила себе обратиться к содействию высшего органа Правительства – СНК СССР только в период 1942-1944 гг. со следующими просьбами: о закреплении за мной двух комнат моей бывшей квартиры, об исправлении разряда моей персональной пенсии – не по РСФСР, а по СССР и о некотором улучшении моего питания и приобретении предметов широкого потребления.

Результатом последнего была выдача мне Наркомторгом СССР абонеента на сухой паек и единовременного лимита на промтовары сроком на один месяц на сумму 1 000 руб., который мне не удалось использовать желательным образом.

Итак:

Председателю СНК СССР И.В. Сталину

От персональной пенсионерки Евгении Николаевны Классон, вдовы инженера Роберта Эдуардовича Классона (Государственная электрическая станция им. Классона)

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович

В надежде на Вашу великодушную оценку трудов моего покойного мужа инженера Роберта Эдуардовича Классона, я осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшей и горячей просьбой об улучшении моего материального положения.

Позволяю себе привести некоторые данные о заслугах Роберта Эдуардовича перед Родиной, Партией и Правительством.

Молодость Роберта Эдуардовича была неразрывно связана с ранней историей великой Партии Ленина-Сталина: в 1894 году у него собирался «марксистский салон», руководимый В.И. Лениным, почему бывшая квартира Р.Э. Классона в Ленинграде охраняется, как историческая достопримечательность. В дальнейшем, когда Роберт Эдуардович отдался электротехнике, не прерывая, однако, живого и действенного общения со многими выдающимися деятелями будущей великой Октябрьской Революции, его работа и имя оказались навсегда связанными с главнейшими этапами в развитии мировой и отечественной электротехники. Он принимал непосредственное и ближайшее участие в первой в мире воздушной передаче трехфазного тока высокого напряжения за границей и осуществил первую трехфазную установку в России на р. Охте.

Затем, в качестве крупнейшего русского инженера-электрификатора, он спроектировал или построил первые большие электростанции в России, в г.г. Петербурге и Москве, построил и спроектировал две большие электростанции в Баку и электрифицировал нефтепромысла. Наконец, им была спроектирована и построена первая в мире большая электростанция, работающая целиком на торфу, бывшая «Электропередача», а ныне «Государственная электростанция имени инженера Классона»; о ней было сказано, что «именно эта станция спасла Красную Москву от повального погашения и окончательной приостановки механических приводов на ее главнейших фабриках и заводах».

Постройка этой электростанции открыла перспективы широкого использования неисчерпаемых запасов торфа на территории Союза, как новой базы для энергетики и привела Роберта Эдуардовича к изобретению им «Гидроторфа». Это изобретение, которое представляло полную революцию в технике торфодобычи, обеспечило Советскому Государству возможность производить массовую добычу торфа механизированным способом. В настоящее время способом «Гидроторфа» уже производится 70% общей добычи торфа.

Героическая борьба Роберта Эдуардовича за «Гидроторф», увенчанная проявлением особого внимания к ней со стороны Владимира Ильича Ленина (в этом году исполнилось 20 лет со дня исторического показа кинофильма о «Гидроторфе» в Кремле) – составляет поистине одну из самых славных страниц в истории Советской техники.

Переходя к моей просьбе об улучшении моего материального положения, я вынуждена сказать, что оно является неудовлетворительным. Я не только не имею возможности держать домработницу, что мне крайне необходимо по состоянию моего здоровья и по возрасту – мне 70 лет – но и удовлетворять свои самые скромные жизненные потребности в отношении приобретения белья, платья, обуви, мыла и пр.

Все, чего я могла добиться в результате своих хлопот в Наркомторге, это получения обеденной карточки; всякие иные виды государственной помощи в отношении дополнительного питания и получения промтоваров, как то «лимиты», «абонементы» и пр., остались для меня недоступными.

Стесненность моего материального положения объясняется следующим. Назначенная мне после смерти мужа в 1926 г. персональная пенсия в размере 225 руб. («партмаксимум»), постепенно утратила известную часть своего узко-практического значения. Мой личный заработок, от преподавания пения, свелся постепенно к минимуму. Все более или менее ценные вещи я ликвидировала. На вполне возможный вопрос, не пользуюсь ли я теми или иными доходами в связи с эксплуатацией Советским Государством такого крупнейшего изобретения моего мужа, как «Гидроторф», я должна ответить отрицательным образом. В то время, когда работал мой муж, еще не наступила эпоха усиленной заботы о благополучии наиболее выдающихся людей Родины и их близких, одним из прекрасных выражений которой явилось установление института Сталинских Премий, и семье Роберта Эдуардовича было выдано после его кончины всего 22.000 руб. (не считая удержанных 6.000 руб., задолженных им при жизни). Из этой суммы третья часть была получена мной и израсходована на приобретение кооперативной квартиры из 3 комнат, одна из которых позднее от меня отошла в связи с ликвидацией жилищной кооперации.

Здесь, чтобы не показаться неблагодарной, я должна сказать, что в начале этого года я имела смелость обратиться в Ваш Секретариат с ходатайством о закреплении за мной этих двух комнат. Это мое ходатайство было не только уважено, но при извещении меня об этом было проявлено со стороны Первого Заместителя Совнаркома СССР т. Косыгина и Управляющего Делами Совнаркома СССР т. Чадаева такое внимание, что я была тронута до слез.

В отношении пенсии я должна уточнить, что когда в 1931 году я обратилась в НКСО [(Наркомат соцобеспечения)] с просьбой о повышении моей пенсии, мне было прибавлено всего 75 рублей. При этом мне было сказано, что хотя заслуги моего покойного мужа имеют бесспорно самое широкое общесоюзное значение, но моя персональная пенсия была назначена Совнаркомом РСФСР, а не Совнаркомом СССР, а это в те времена, по формальным причинам, будто бы ограничивало возможность большей прибавки.

Принося Вам свои глубокие извинения за обременение Вас всеми изложенными подробностями, целью которых было обосновать мою надежду на Ваше участливое внимание к моей покорнейшей и горячей просьбе, я осмеливаюсь просить Вас об улучшении моего материального положения путем, который Вы сочтете правильным и возможным.

С глубочайшим уважением и преданностью Вам Евгения Классон

Москва, Метростроевская, 1, кв. 14.

т. К-5-54-94. 17 ноября 1944 г.

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович» наложил вполне лапидарную резолюцию: «т. Чадаеву».

Управляющий делами Совнаркома СССР Я. Чадаев, получив документ с резолюцией своего начальника, незамедлительно, 27 ноября 1944 г., отправил письмо в Наркомторг СССР, т. Любимову А.В.:

Направляя Вам копию письма персональной пенсионерки Евгении Николаевны Классон, прошу оказать помощь в части снабжения продовольственными и промышленными товарами. О принятых Вами мерах прошу сообщить в Совнарком СССР.

И помощь «в части снабжения продовольственными и промышленными товарами» была-таки оказана! Заместитель наркома торговли СССР А. Шаров ответил тов. Чадаеву в тот же день, 27 ноября 1944 г.

Сообщаю, что Наркомторгом СССР дано указание о выдаче с 1 декабря 1944 г. дополнительно к ранее выдаваемой 1 карточке на обед по нормам литер «Б», одного абонеента сухого пайка ежемесячно и одной промтоварной лимитной книжки на сумму 1000 руб. одновременно.

Не будем здесь расковыривать подробности наполнения продовольственных карточек. Поясим лишь, что карточки литер «Б» были, если можно так выразиться, второсортными по сравнению с карточками литер «А». А были еще, как зафиксировала С.Н. Мотовилова, «кое-какеры» и «изможденцы», или иждивенцы (т.е. советские люди 3-го и 4-го сортов).

Кстати, в фонде 5446 ГАРФ имеются тысячи обращений простых людей к властям с просьбой помочь им, а также десятки таких же от представителей номенклатуры – прикрепиться к не доступной для простых смертных Кремлевской столовой «лечебного питания», попасть в закрытый санаторий «Барвиха» и т.д. и т.п. Благодатная тема для объективных исследователей «социализма с человеческим лицом»! Сколько диссертаций на звание кандидата исторических наук можно было бы на ней защитить и интереснейших книг написать!!

А почти что в заключение этого очерка расскажем о заковыристой судьбе охтинской квартиры Классонов (т.е. опять-таки о «жизни после жизни», на сей раз недвижимости), которая, по словам Е.Н. Классон, «охраняется, как историческая достопримечательность».

Еще в конце 1950-х ленинградский инженер Марк Оскарович Каменецкий при подготовке монографии по Р.Э. Классону раскопал где-то «ленинско-классоновское место» (но до «жандармских архивов» в Москве он все же не добрался). «Ленинско-классоновское место» выплыло в письме его вдовы Минны Борисовны И.Р. Классону:

Две фотографии к I главе (вычеркнутые [издательством] в списке к ней) как-то – Дом на Б. Охтенском проспекте, №99 (в Петербурге), в котором жил инж. Р.Э. Классон и где Ленин читал свои работы в 1894-95 гг. (рис. I-1) и рис. I-3 – В.И. Ленин в Кремле на просмотре научно-техн. фильма о гидроторфе – в конверте с иллюстрациями отсутствуют и нигде я их не нашла. Отдельного перечня источников иллюстраций нет. Имеются лишь кальки, пленки, негативы...

Сам же Р.Э. Классон на допросе в Жандармском управлении 5 ноября 1893 г., как мы ранее сообщали, показывал, что он уже проживал в том году **на Большой Охте по Панфилова ул., д. №26**. Оба дома были тем не менее в разное время при «Софье Власьевне» снесены... Так что важное «ленинское место» (где В.И. Ульянов познакомился с Н.К. Крупской) давно утрачено. В то же время некоторые недобросовестные деятели продолжают упорно эксплуатировать давно снесенное «ленинское место» и даже водят туда экскурсии (к первому или второму дому), рассказывая доверчивым экскурсантам о «квартире Р.Э. Классона».

На него (**Больше-Охтенский пр., д. 99/3, т.н. «дом Окорчева»**) указывает и нынешний «исследователь Петербурга и не только» Александр Краснолуцкий в своей книге «Охтинская энциклопедия. Большая Охта», 2010 г.:

Квартира Р.Э. Классона

В 1893 г. в квартире в доме Окорчева поселился с семьей Роберт Эдуардович Классон (1868-1926), известный русский инженер-технолог, один из крупнейших энергетиков своего времени, в 1893-1897 гг. работавший на должности электротехника Охтенского порохового завода. В период 1893-1894 гг. на квартире Классона проходили тайные встречи кружков марксистов.

<...> Еще более живописный сюжет дала С.Н. Мотовилова: «одно время Софья Ивановна [жена Классона] оказалась в больнице, а на хозяйстве ее заменяла [сестра] Мария Ивановна. Неизвестно почему, но Мария Ивановна спрятала все серебро, а когда к Классону приходили гости, подавал им деревянные ложки, и Роберту Эдуардовичу это было очень неприятно». Из письма И.Р. Классону [???]: И правильно, мало ли какие революционеры забредали в квартиру, могли и серебряную сервировку случайно прибрать.

<...> Во второй половине 1894 г. Р.Э. Классон переехал на новую квартиру в д. 26 по ул. Панфилова.

На мой недоуменный запрос в марте 2012-го г-н Краснолуцкий высокомерно промолчал, промолчал он и после повторного запроса в мае 2012-го – на пафосный сайт «Историк-генеалог Александр Краснолуцкий». Оно и понятно, я случайно посеял сомнение в доброкачественности его «изысканий» и тем самым невзначай покусился на его процветающий бизнес.

Сей фолиант – «Охтинская энциклопедия. Большая Охта» имеет более 700 стр. большого формата и стоит около 1 тыс. рублей. А еще г-н Краснолуцкий издавал или подготовил к изданию: Злая судьба рода Голыньских? – 500 руб.; Охтинская энциклопедия. Малая Охта – под 800 руб.; Казачий род Краснолуцких – ?; Императорская династия Романовых – ?; Сосново-Rautu – ?; Алтан Уруг. Золотой род Чингис-Хана – ?

Я, кстати, заодно попенял г-ну Краснолуцкому:

Весьма польщен плотным использованием моих биографических очерков «Роберт Классон и Мотовиловы», но все же прошу впредь более тщательно их цитировать. В частности, фраза «И правильно, мало ли какие революционеры забредали в квартиру, могли и серебряную сервировку случайно прибрать» является моим – М.И. Классона – вольным комментарием на соответствующий сюжет, упомянутый в письме киевской родственницы С.Н. Мотовиловой моему отцу И.Р. Классону.

И на этот упрек г-н Краснолуцкий высокомерно промолчал...

С ним должны солидарно нести ответственность и следующие «историки», которые указывали на фальшивое «ленинское место» (цитируются по «Охтинской энциклопедии. Большая Охта»):

– Метлицкий Б.Г. Об Охте, 1964 («<...> помощник присяжного поверенного **Владимир Ульянов держал путь к дому №99 по Большеохтинскому проспекту. На квартире молодого инженера-электротехника его ждали нынче на блины.** <...>»);

– Митгарц И.М. Прошлое, настоящее и будущее Красногвардейского района. Л., 1977 («<...> **Жил тогда Р.Э. Классон на Большеохтинском пр., 99, угол Конторской ул. Дом этот не сохранился, он был разобран в 1967 г. в связи с реконструкцией набережной.** <...> Осенью 1894 г. в этом кружке Владимир Ильич читал свою работу “Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов”»);

– Бондаревская Т.П., Великанова А.Я., Суслова Ф.М. По ленинским адресам. Л., 1983 («<...> **Сквер напротив д. 9/10 по Большеохтинскому пр и Конторской ул. – бывш. Большеохтинский пр., д. 99, кв. Р.Э. Классона. Квартиру инженера Роберта Эдуардовича Классона В.И. Ленин посещал в первой половине 1894 г.** <...>»);

По-видимому, все эти горе-историки пользовались «надежным источником» типа «Биохроника Ленина», в которой указано:

Конец февраля 1894 г.

Ленин участвует в совещании питерских марксистов, проходившем на квартире инженера Классона (Большеохтинский пр., д. 99). На совещании, кроме Владимира Ильича, присутствовали Н.К. Крупская, Р.Э. Классон, Я.П. Коробко, С.И. Радченко, С.М. Серебровский и другие. Здесь Ленин впервые встретился с Крупской.

1) *Восп. о В.И. Ленине, т. 1, 1968, с. 223-224*; 2) *«Кр. лет.», 1925, № 2, с. 144-145.*

Однако в Л. 1 были использованы воспоминания уже престарелой Н.К. Крупской, которая приводила самое общее описание этого совещания:

Увидала я [приехавшего в Петербург еще в конце лета 1893-го] Владимира Ильича лишь на масленице. На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два назад перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином. <...>

При этом редактор «Воспоминаний о В.И. Ленине» вынужден был пояснить в примечании, что сие совещание происходило в конце февраля 1894 г., а также привести цитату из более ранних (1925-го) и потому более документальных воспоминаний Н.К. Крупской:

Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь. Подошел Классон, взволнованный, пощипывая бороду, сказал: «Ведь это черт знает, что он говорит». – «Что ж, – ответил Коробко, – он прав, какие мы революционеры».

А в Л. 2 («Владимир Ильич у Р.Э. Классона») Роберт Эдуардович точного адреса опять-таки не указывал:

В 1893 году я возобновил свои старые связи, и в 1894 году у меня в Петербурге, на Большой Охте, где я жил тогда, возник марксистский «салон», в котором принимали участие, кроме Владимира Ильича, <...>.

Выходит, из недостаточно определенного обозначения «Большая Охта» советские историки ничтоже сумняшеся сотворили, уже из Большеохтинского проспекта, 99 – «ленинское место»? Хотя, вполне возможно, что в каких-то существенно более ранних воспоминаниях участников «совещания питерских марксистов» и промелькнул этот, конкретный адрес.

Но мы все же склонны больше доверять не ненадежным воспоминаниям, а конкретным материалам Департамента полиции:

<...> Отделение по охранению общественной безопасности в С.Петербурге имеет честь сообщить 3-му Делопроизводству адреса следующих лиц:

– Инженер-технолог Роберт Классон проживает в доме №49 по Николаевской улице <...>. (из письма в Департамент Полиции от 6 июля 1893 года)

Зовут меня Роберт Эдуардович Классон. От роду имею 25 лет, лютеранского вероисповедания. Звание мое Инженер-технолог, сын Коллежского Ассессора. Проживаю в С.Петербурге, Большая Охта, Панфилова ул., д. №26. (из протокола допроса Р.Э. Классона 5 ноября 1893 года)

Классон Софья Иванова, родилась 30 октября 1863 г. (30 лет), в селе Цильна Симбирской губернии и уезда, православного вероисповедания, из дворян, Великороссиянка, русского подданства, звание: Жена Инженер-технолога, место постоянного жительства: До привлечения к настоящему дознанию жила в С.Петербурге, на Большой Охте, по Панфиловой ул., в доме №26, занятия и средства к жизни: находится при муже. (из протокола допроса С.И. Классон 23 ноября 1893 года)

После обысков, произведенных в ночь на 12-е сего Августа, в квартире присяжного поверенного Бауэра было установлено наблюдение. 14-го Августа в квартиру явился известный Вашему Превосходительству инженер-технолог Роберт Классон. Вследствие сего Классон был подвергнут обыску как лично, так и по месту жительства (дом №26 по Панфиловой улице Охтенского [полицейского] участка). Так как обыски эти были безрезультатны, то помянутое лицо оставлено на свободе (из письма Директору департамента Полиции С.Э. Зволянскому от 17 августа 1896 года).

*«Сталинский новодел» по ул. Панфилова, 26 на Большой Охте
(фото Екатерины Кондратьевой)*

Тема «жизнь Р.Э. Классона после жизни», естественно, будет затронута и в последующих очерках.

А почти в заключение сего очерка опишем скандальный сюжет, приключившийся в Мосэнерго в 2008-м (т.е. в год 140-летия со дня рождения Роберта Эдуардовича). В январе 2008 года ко мне обратился мой старый знакомый Михаил Борисович Агранович, работавший с советских времен в Информэнерго, а затем издававший многотиражку «Энергия» под эгидой РАО «ЕЭС России» (правда, с приходом в 1998-м А.Б. Чубайса и А.В. Трапезникова ему пришлось перерегистрировать свою газету на другого издателя, чтобы выскользнуть из-под «информационной опеки» последних).

М.Б. Агранович предложил обратиться в Мосэнерго и, в свою очередь, предложить начальству отметить 140-летний юбилей Р.Э. Классона. Мы обменялись мнениями и решили, что надо сначала прикинуть «План проведения круглого стола», причем не в рамках всей компании (то есть не в формате торжественного заседания), а лишь по линии Научно-технического совета Мосэнерго. Ну что же, сели поврозь и придумали (сейчас уже каких-либо деталей не помню, как мы тогда думали и дистанционно консультировались, в том числе с Мосэнерго). В итоге у нас родился следующий документ (сохранился его проект):

План проведения круглого стола на тему «Роль Р.Э. Классона в создании Московской энергетики», февраль 2008 г., музей истории развития Мосэнерго продолжительностью 2 часа, число участников 20-30 чел.

1. Р.Э. Классон: жизнь, отданная энергетике (сообщение делает В.Л. Гвоздицкий, начальник отдела истории техники и технических наук Института естествознания им. С.И. Вавилова, РАН, к.т.н.);

2. Вдохновенный герой (сообщение делает М.И. Классон, обозреватель журнала «Мировая энергетика»);

3. Перспективы развития Мосэнерго [сообщение делает Юрий Николаевич Кучеров, директор по перспективному развитию Мосэнерго, – кандидатура появилась несколько позже]

4. Выступления участников круглого стола;

5. Знакомство с экспозицией музея Мосэнерго;

6. Экскурсия в музей-квартиру Г.М. Кржижановского;

7. Экскурсия на ГЭС-1.

Участники круглого стола: сотрудники Мосэнерго, ГРЭС-3 (Электрогорск), ветераны энергетике, научно-техническая общественность, редакторы отраслевых изданий, студенты МЭИ.

Все это мы передали в Мосэнерго и в один прекрасный день собрались. Предполагалось, что наше рабочее совещание будет вести директор музея Валентина Геннадьевна Разумова, но она в тот день сказала больная, и ее замещала Елена Владимировна Лушпаева (на сохранившейся визитке последняя позиционировалась как Директор по работе со СМИ и органами власти). Присутствовали также, кроме нас с М.Б. Аграновичем, пресс-секретарь тогдашнего гендиректора Мосэнерго А.Я. Копсова Василий Захаров и научный сотрудник музея Григорий Леонидович Андреев.

Е.В. Лушпаева, рассмотрев наше предложение, заявила, что его необходимо будет согласовать с планом заседаний Научно-технического совета Мосэнерго. Мы, конечно, согласились, еще какое-то время обменивались мнениями, а потом разошлись. Я, сильно занятый в журнале «Мировая энергетика», не надоедал ни Е.В. Лушпаевой, ни В. Захарову. Но и они молчали – молчали месяц, другой, третий... Я тогда спрашивал Михаила Борисовича – ведь февраль уже прошел (месяц, в котором родился Роберт Эдуардович), а Мосэнерго ни мычит, ни телится. На что М.Б. Агранович резонно отвечал, что весь 2008 год – это «год Р.Э. Классона». Заодно, уже не помню сейчас по каким каналам, выяснилось, что в начале года никакого «Плана заседаний Научно-технического совета Мосэнерго» не имелось. То есть мы со своим предложением были первыми!

Итак, подходил к концу 2008-й год, Мосэнерго (читай Е.В. Лушпаева) продолжало молчать в тряпочку. И это при том, что тогдашний гендиректор Анатолий Яковлевич Копсов относился к Р.Э. Классону с огромным уважением. Он после пресс-конференций обычно подводил меня к галерее портретов директоров Общества электрического освещения 1886 г. – МОГЭС – Мосэнерго (в том же конференц-зале) и показывал с гордостью: а вот ваш дедушка!

В конце 2008-го или в начале 2009-го мы с Михаилом Борисовичем «подвели черту» под нашей неудавшейся инициативой. Он тогда заявил весьма грубо и сочно, что Е.В. Лушпаева – «зассыха», и я вынужден был с ним согласиться – да, «зассышка»...*

---

* Здесь необходимо кое-что прояснить. Во-первых, мне тогда и в голову не приходило, например, пожаловаться А.Я. Копсову на его сотрудницу – «кое-какершу». Я почему-то тогда считал, что это дело Мосэнерго – подхватить нашу с М.Б. Аграновичем инициативу или же отвергнуть ее. Сейчас же, через 6 лет, мне уже представляется, что, возможно, надо было тогда обратиться и к А.Я. Копсову, поскольку его подчиненная попросту спустила нашу инициативу на тормозах и тем самым, по всей видимости, заныкала отличный шанс пропигарить историческую связь Мосэнерго с одним из первых директоров компании. Еще больше меня в такой позиции (пусть и «после драки») убедил совсем недавний сюжет. В мае 2014 года я, после того как не получил ответа от сотрудницы музея Мосэнерго на свое недоуменное письмо, обратился уже к ее начальнице Е.В. Лушпаевой:

Окончание примечания

Уважаемые коллеги, на сайте Музея истории Мосэнерго случайно наткнулся на сие хамское заимствование из моих очерков «Роберт Классон и Мотовиловы» (что это за безымянная и корявая ссылка – по данным с сайта www.famhist.ru):

Кирпичников Виктор Дмитриевич. Уполномоченный Московского отделения «Общества электрического освещения 1886 года». (04.01-04.12.1917). Заведующий Центральной станцией (17.01.1917). Директор-распорядитель МГЭС. С 11.09.1924 – помощник директора Правления МОГЭС по технической части и заместитель председателя технического совета. Член Правления МОГЭС (1926-1928 гг.).

По данным с сайта www.famhist.ru:

Родился в Тутаеве Ярославской губ. в семье уральского казака. Позднее семья переехала в Кинешму Костромской губ. В 1900 году окончил гимназию во Владимире, поступил в Петербургский технологический институт. Каникулы проводил в Кинешме, где еще в 1896 году возглавил небольшой политический кружок на местном химическом заводе, позднее стал организатором местной ячейки РСДРП. В 1902-1904 годах участвовал в студенческом движении в Петербурге, в 1902 году был арестован на три месяца за противоправительственную деятельность. В 1905 году женился на Ванде Густавовне (ее девичья фамилия пока не установлена). В 1906 году у них родился сын Юрий (в будущем – инженер-электрик Мосэнерго). Избран в члены Бюро РСДРП и, в том же году, делегирован Кинешемской организацией на 4-й (объединительный) съезд РСДРП в Стокгольме, где выступал под псевдонимом Андриянов, поддерживал линию В.И. Ульянова-Ленина. В связи с многочисленными арестами в конце 1906 года в Кинешме больше там не показывался и вообще «прекратил заниматься политикой, а решил посвятить себя технике». <...>

Я никому не запрещал пользоваться моими очерками, но делайте же при этом ссылки на автора!

К сему, Михаил Иванович Классон

То есть сотрудница Музея обширно цитировала мое Приложение «Действующие лица» к биографическим очеркам «Роберт Классон и Мотовиловы» (из статьи о Кирпичникове В.Д.), без ссылки на меня, и лишь сослалась на Интернет-ресурс, где выложено весьма много обширных материалов, в том числе и мой. И что же я получил в ответ? Отписку, которую к сожалению не сохранил для истории. В своем ответном письме Е.В. Лушпаева сообщала, что она находится в отпуске, да еще за границей, поэтому не может предметно мне ответить. И опять-таки советовала обратиться к сотруднице музея Мосэнерго, которой она якобы дала соответствующие указания. Насколько я теперь понимаю, Е.В. Лушпаева была прекрасно осведомлена во всей этой коллизии, но по неким «корпоративным соображениям» не пожелала прояснить ее. Как мне удалось узнать от «третьего лица», в Газпромэнерго, куда входит и ТГК-3 (генерирующий осколок бывшего Мосэнерго), сейчас проводится такая странная «политика», чтобы во всех «исторических материалах» было как можно меньше упоминаний о Классонах!!!

Как известно, Газпромэнерго продало офис ТГК-3 на Раушской набережной (где новые хозяева конечно же выкинули галерею портретов директоров Мосэнерго, включая и портрет Р.Э. Классона) и руководит теперь всеми своими энергетическими подразделениями из бывшего дома РАО ЕЭС у ст. метро «Юго-западная». Но это уже «современная Россия», «современный капитализм» и все такое... В значительной степени современные реалии будут затронуты в моих автобиографических очерках, которые я надеюсь разместить на famhist.ru года через полтора-два... *М.И. Классон, сентябрь 2014 г.*

Страна должна знать своих «героев» – Е.В. Лушпаева на открытии музея Мосэнерго при А.Я. Копсове:

На въезде в Электрогорск гостей встречал плакат, на котором отметил мэр города Игорь Петрович Красавин

Ну и, напоследок, дадим «каплю меда в бочке дегтя» из «жизни после жизни» Р.Э. Классона. В марте 2014-го ГРЭС-3 в Электрогорске все-таки весьма масштабно отметила свой 100-летний юбилей. Нас с женой пригласил тогдашний директор Евгений Александрович Михеев. И вот что я написал в расчете на то, что сие опубликует местная газета «Город» (главный инженер принадлежащей Газпромэнерго ОГК-3 Александр Семенович Осыка, приезда которого из Москвы все с таким нетерпением ждали, раньше работал в той же должности на ГРЭС-3):

ГРЭС им. Р.Э. Классона – 100 лет!

14 марта энергетики Электрогорска и некоторые приглашенные VIP-чиновники отметили юбилей электростанции, сооружение которой положило начало и самому городу (выросшему из поселка «Электропередачи»). Директор ГРЭС-3 Е.А. Михеев в своем выступлении подчеркнул, что 12 марта 1914 г. станция дала первый промышленный ток, отсюда и ведется отсчет ее истории.

Торжественное собрание началось, было, в 15 час в не очень большом конференц-зале ГРЭС-3, поскольку ДК им. Ленина ремонтируется уже 10 лет, и неизвестно когда этот многострадальный ремонт будет закончен. Я написал – началось было, потому что собравшийся народ наблюдал, как сначала выдвигали в центр сцены столы и стулья, а минут через 5 – задвигали их на периферию. Дело в том, что организаторы собрания ждали приезда из Москвы главного инженера ОГК-3 (Мосэнерго) А.С. Осыку, но он по-видимому позвонил и сообщил, что задерживается.

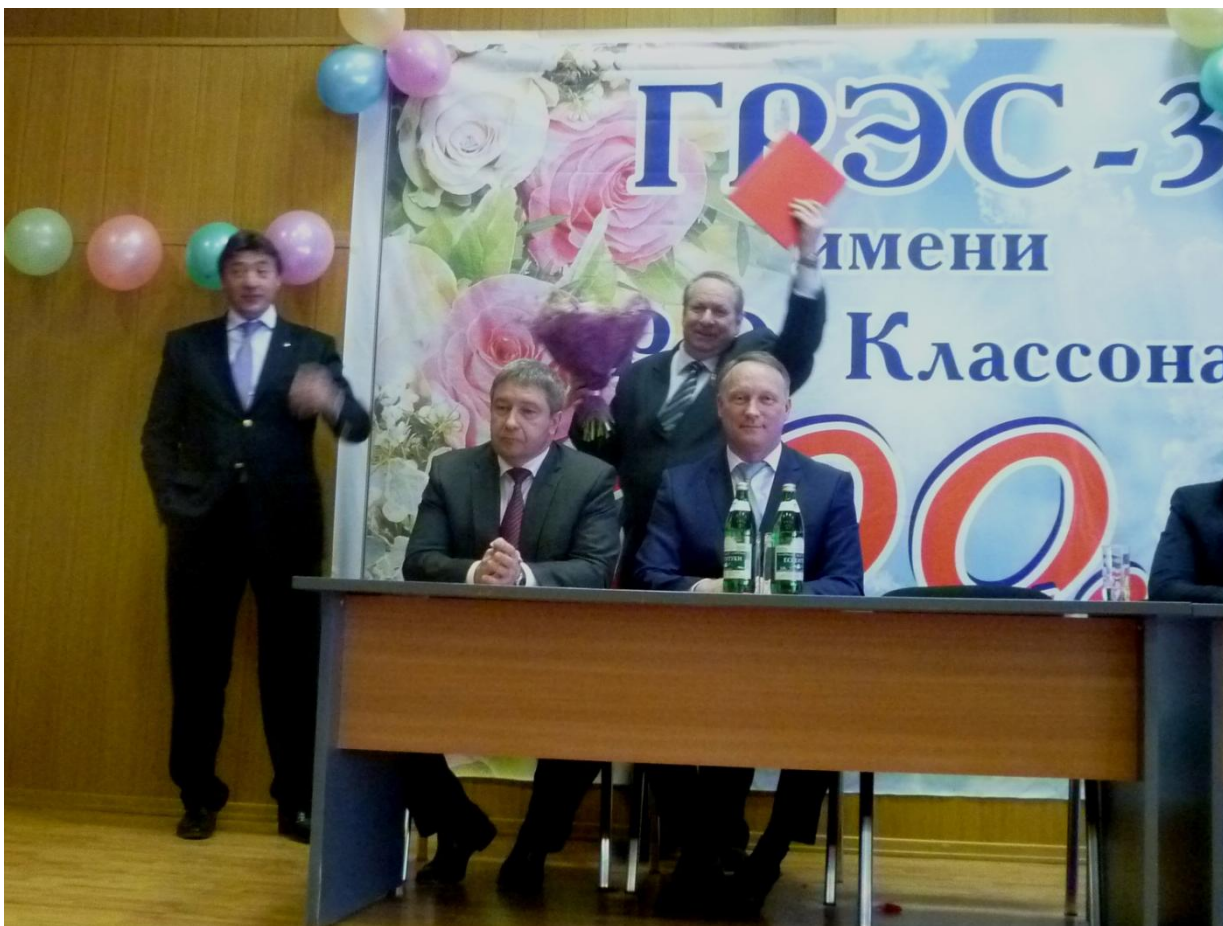

*Жена М.И. Классона Раиса Ивановна и потомки Р.Э. Классона
(фото М.И. Классона)*

Поэтому собрание начали с выступления артистов, в том числе и танцевальной группы «Presto». Ведущая концерта при этом посетовала на то, что размер сцены конференц-зала не позволяет выступить этой группе в полном составе (3 пары), поэтому танцевали всего 2 пары, но весьма зажигательно. Минут через 40, так и не дождавшись А.С. Осыки, организаторы решили все-таки перейти к официальной части – произнесению коротких речей и награждению передовиков производства. Для чего опять выдвинули столы и стулья на сцену.

Директор станции Е.А. Михеев сделал 5-10-минутный доклад о том, «откуда есть пошла ГРЭС». В сугубо техническом сообщении содержалось тем не менее два интересных факта. Оказывается, что перед тем как Р.Э. Классон поехал в Швейцарию за инвестициями под сооружение «Электропередачи», Г.М. Кржижановский отправился в Петербург на прием к министру промышленности, но тот его погнал чуть ли не с кулаками. Правда, этот сюжет приводит в своих воспоминаниях сам Г.М. Кржижановский, не подтверждая его какими-либо документами...

И второй занимательный факт. Две газовые турбины мощностью по 150 мегаватт (ГТ-150) были установлены на ГРЭС-3 под предварительную обкатку, а вообще-то они предназначались для дальнейшей установки на Кармановской ГРЭС, но на закате советской власти что-то не сработало в распоряжениях Минэнерго, и ГТ-150 так и остались в Электрогорске.

*Директор ГРЭС-3 Е.А. Михеев получил очередную награду
(справа за столом – мэр Электрогорска И.П. Красавин)*

Зам председателя правительства Московской области Д.В. Пестов от имени губернатора А.Ю. Воробьева поздравил энергетиков, но при этом ненароком спутал Электрогорск с Электросталью. Первый зам министра энергетики правительства Московской области А.И. Лукашов тоже поздравил энергетиков и при этом отметил, что очень мало предприятий в России, которые могут отметить такой солидный юбилей, да еще продолжают надежно работать. На что председатель МГК Электропрофсоюза С.А. Сверчкова с места обиженно заметила – а как же Мосэнерго, которому исполнилось уже 127 лет?

Депутат Московской областной думы В.Я. Пекарев упомянул о задаче, поставленной губернатором – увеличить годовой бюджет региона до 1 триллиона рублей. Соответственно и Электрогорск должен развиваться более динамично. Да вот и при новом главе городского образования И.П. Красавине, по утверждению В.Я. Пекарева, уже стали заметны улучшения.

Выступивший следом И.П. Красавин заявил, что он гордится коллективом ГРЭС-3, который работает на процветание города. При этом он сообщил присутствовавшим, что здесь не зря находится Д.В. Пестов, при активном содействии которого в 2014-м все-таки будет закончен ремонт клуба им. Ленина. Выходит, московское правительство выделит какую-то сумму на это затянувшееся действие (скорее, бездействие)?

Председатель МГК Электропрофсоюза С.А. Сверчкова поблагодарила коллектив ГРЭС-3 за то, что в перестройку он не развалил свою работу, но при этом посетовала: раньше энергетики были элитными специалистами, а сейчас скатились до малозаметных технарей.

Выступление танцевальной группы Presto (в усеченном составе)

Стоит отметить, что директор ГРЭС-3 Е.А. Михеев выходил награждаться не менее пяти раз, после чего его место за столом президиума оказалось завалено цветами и подарками. Кстати, И.П. Красавин вручил ему картину маслом «местного Шишкина».

Поскольку А.С. Осыка так и не появился на награждении передовиков производства, то сию церемонию закруглили, пообещав вручить оставшиеся грамоты «в рабочем порядке», и обратно задвинули столы на периферию сцены, чтобы опять артисты пели и танцевали.

К 18 час публика двинулась на банкет, организованный в кафе «Ковчег». Здесь наконец-то А.С. Осыка объявился, объяснив в своем последующем выступлении причину опоздания: мол, важные корпоративные дела задержали его в Москве. Оставшихся на банкет пару потомков Р.Э. Классона усадили за центральный стол, напротив руководства и важных гостей. Танцевали практически все. Правда, А.С. Осыка и И.П. Красавин, оставаясь в тесном соседстве за VIP-столом, были в основном заняты обсуждением каких-то актуальных тем, при этом отдавая должное внимание красному вину.

Непосторонний наблюдатель

Но «Город» такой пристрастный репортаж все-таки не осмелился опубликовать и отделался «официозом». Ну да Бог с ней, с местной газетой, которой приходится выживать в непростых условиях справедливой и всеобъемлющей критики сменяющихся друг за другом мэров, смены собственных учредителей и все такое...

Правда, «Город» опубликовал в сокращенном виде мой следующий материал:
Непроизнесенный спич по поводу 100-летия ГРЭС-3 им. Р.Э. Классона
14 марта 2014 г.

Дорогие электрогорцы и ГРЭСовцы!

Я всегда с большим интересом, что вполне понятно, приезжаю к вам. Правда, я не совсем отчетливо понимаю повод, по которому мы здесь собрались. Предполагаю, что не в связи с тем, что 13 марта исполнилось 115 лет со дня рождения Ивана Робертовича Классона – сына Роберта Эдуардовича и моего отца. Догадываюсь, что наше торжественное заседание связано с ГРЭС-3, но каким образом?

Действительно, хронологический указатель «Развитие электроэнергетического хозяйства СССР» (1987 г.) сообщает: в мае 1913 г. введена в работу 1-я районная электростанция на торфе – Богородская в 70 км от Москвы.

То же самое отметил в своей речи Александр Васильевич Винтер, на чествовании его 70-летия в Академии наук (23 октября 1948 г.):

«Первая районная торфяная станция «Электропередача» (ныне станция им. Р.Э. Классона) была начата постройкой в августе 1912 г., и первая машина работала уже с 1 мая 1913 г.; [проектная] мощность станции 15 000 квт, срок строительства около 250 рабочих дней».

Может быть, от этой даты и стоит вести наш отсчет? Но в это время станция через «болотную» подстанцию 6/2 киловольта давала энергию лишь торфяным элеваторным машинам, т.е. работала на собственные нужды. Однако осенью 1913-го «Электропередача» заработала уже на внешнюю нагрузку.

Из воспоминаний того же А.В. Винтера «Моя счастливая жизнь» (Год шестнадцатый. Альманах второй, М., 1933):

Мы работаем день и ночь, мы работаем всю зиму, ибо через десять месяцев одна машина должна работать, иначе пропадет весь торфяной сезон года, ибо торфяное хозяйство у Классона должно быть электрифицировано, чего нигде нет на болотах. И к началу апреля будущего [1913-го] года первая машина уже работает и обслуживает нужды торфяного хозяйства. На стройку к нам с первых же дней приезжают директора и владельцы окружающих фабрик – посмотреть, всерьез ли это, или только «дурачиться народ». Все настроены скептически, никто не верит, никто не допускает возможности так концентрированно хозяйничать, справиться с такими массами. Но осенью станция готова: мы почти по первопутку на санях мчимся в Орехово-Зуево зажечь первые огни от новой станции: вот он свет! <...> Наступают будни. Одна за другой фабрики Орехова, Павлова, Богородска наперебой присоединяются к новому источнику энергии; в Москву вливается энергия солнца тысяч лет, аккумулированная в электрическую энергию.

Насчет Москвы Александр Васильевич несколько погорячился... Тем не менее осенью 1913-го электроэнергия по первой в России линии такого высокого напряжения – 30 киловольт поступила в Орехово-Зуево. А в 1914 г. энергию получили потребители Павловского Посада и Глухова. Так что вполне можно вести отсчет начала промышленной эксплуатации «Электропередачи» от конкретной даты подключения первого внешнего потребителя осенью 1913-го. А как же на самом деле обстояли дела с «вливанием энергии солнца тысяч лет» в Первопрестольную? Это весьма кудрявая история, в которой «отличились», в своем противодействии расширению «монопольной деятельности» «немецкого синдиката», и власти Москвы (городская управа и городская же Дума), и Московское губернское земство со своей управой. Я выберу из этой истории лишь несколько технических моментов, которые могли бы прояснить сюжет с поставками электроэнергии в Москву.

Из публикации в газете «Русское слово», которая особенно «отличилась» в систематическом поношении Общества 1886 года, за 5 марта 1915 г.:

Согласно приказанию главноначальствующего гор. Москвы комиссия по ревизии и контролю над деятельностью Общества 1886 г. 18-го сего февраля затребовала от московского отделения общества схемы электрических соединений на Московском металлическом заводе [(бывш. Гужона)] и на подстанции в Измайловском зверинце. 19-го сего февраля комиссия явилась в помещение общества и, рассмотрев представленные схемы и выслушав объяснения по ним гг. директоров общества, отправилась для осмотра на месте на Московский металлический завод и на Измайловскую подстанцию совместно с представителями Общества 1886 г. гг. Р.Э. Классоном, В.В. Старковым и А.И. Швальбахом.

Дальше шли совсем уже технические детали... Озвучим лишь основной вывод комиссии:

При существующем устройстве возможно по произволу подавать энергию на Московский металлический завод или с богородской или с московской станции. Устройство дает возможность передавать энергию с богородской станции на главный щит московской станции, а оттуда – и в городскую сеть. Для этого необходимо только, чтобы на центральной станции Общества 1886 г. те сборные полосы, которые присоединены к богородской станции, были отключены от турбогенераторов московской станции.

3 мая 1915 г. «Русское слово» опять разоблачало энергетиков:

Московские городские инженеры, состоящие в комиссии от градоначальства, наблюдающей за деятельностью Общества 1886 г., произвели интересные наблюдения относительно расходования московской станцией общества топлива. Материалы по этому вопросу изображены на особой диаграмме, указывающей потребление топлива по дням, начиная с августа прошлого года. Эта диаграмма, имеющая «кривую» суточного потребления топлива, представляет большой интерес.

Как раз с октября, когда пущена была в ход [под нагрузку по ЛЭП 70 кв] богородская станция общества «Электропередача», суточное потребление топлива в Москве сразу делает заметный скачок книзу – кривая опускается. По мнению инженеров, понижение расхода топлива можно объяснить или отключением загородных абонентов Общества 1886 г. от московской городской станции, с передачей их богородской станции, или же... перекачкой богородской энергии на московскую станцию при посредстве гг. Гужонов и «подгужонков».

И, наконец, 13-14 мая «Русское слово» окончательно разоблачило энергетиков (опять же, технические детали придется здесь опустить):

Нижеследующие данные взяты нами из официального документа – донесения инженер-механика г. Луценко в комиссию по проверке деятельности Общества 1886 года, организованную московским градоначальником. Не касаясь подробностей распределительных устройств московской станции общества, мы остановимся на документальных данных, найденных г. Луценко на станции общества.

“<...> На основании вышеизложенного я пришел к следующему выводу: с 29-го сентября по 9-е ноября 1914 года, исключая 21-25-е октября и 4-8-е ноября, ток передавался с Богородской станции общества «Электропередача» на московскую станцию Общества электрического освещения 1886 года. Этот факт передачи я считаю точно установленным и документально подтвержденным. С 9-го ноября по текущие дни ток извне, по-видимому, не передавался”.

Интересно было поведение г. Классона в той комиссии, которая назначена градоначальником для ревизии деятельности общества, когда в ней со своими заключениями выступил инженер г. Люценко. Комиссия, выслушав доклад Люценко, устанавливающий точно факт перекачки энергии из Богородска в Москву, пожелала выслушать объяснения директора г. Классона.

Ему было предложено дать объяснения, но он отказался:

– Мои объяснения совершенно излишни. В комиссии имеются свои техники, и они понимают, что могут значить все электрические оборудования, открытые на заводе Гужона.

Тогда г. Классону был задан другой вопрос: не может ли он сказать, когда именно перекачивался богородский ток? Г. Классон дал ценное показание:

– В октябре были произведены обстоятельные опыты параллельной работы обеих станций...

Этот ответ был занесен в журнал комиссии. Таким образом, у города имеется документальное показание самого директора общества о «параллельной» работе обеих станций.

К чему я все это цитировал? А к тому, что четкой даты начала работы «Электропередачи» на Москву не существует: в условиях систематического гнобления энергетиков в печати, действий московского городского самоуправления по секвестированию «Общества 1886 г.», а московского губернского земского собрания – «Электропередачи», безуспешных попыток добиться от особого своего правления (организованного после начала войны с немцем) от имперских властей какого-либо четкого решения по условиям параллельной работы двух электростанций, весь этот нудный процесс растянулся даже не на месяцы, а на годы. Пока, наконец, в октябре 1917-го, не пришли большевики и не реквизировали (национализировали) обе станции.

Ну а единственным, похоже, «светлым мазком» во всей этой мрачной палитре стала статья Власа Дорошевича «Немцы и мы», опубликованная в том же «Русском слове» 12 июня 1915 г.:

Счастливый случай и хороший автомобиль занесли меня на днях на станцию «Электропередача». В 50-ти верстах от Москвы, по Владимирскому шоссе, в Богородском уезде. Это та самая пресловутая электрическая станция, с которой энергия контрабандным путем передавалась в Москву.

В Орехове-Зуеве, в Павловском посаде, в Богородске – во всем «русском Манчестере», – когда хотят поехать на «станцию», говорят просто:

– Мы едем в 1886 год.

А мой спутник предложил мне:

– Поедем к Робинсонам. <...>

И в заключение своего спича я хотел бы отпустить нижеследующую реплику.

Из письма Р.Э. Классона от 6 июля 1920 г.:

Я вынужден вновь обратить внимание Московской Конторы «Электропередачи» на то, что на станции «Электропередача» совершенно нет свободных помещений для приезжих и что поэтому туда нельзя направлять никого из посторонних лиц иначе, как с условием, что они вечером возвратятся обратно.

Все посторонние лица направляются в мою квартиру, и четыре дня тому назад, ночью ко мне в квартиру буквально вломился г. Шпиндлер в мое отсутствие, напугал прислугу какими-то мандатами, требовал в час ночи, чтобы ему ставили самовар, словом вел себя, как в завоеванной стране. Он ссылаясь на то, что ему в Московской Конторе сказали, что он может остановиться по указанию А.И. Таурова, а так как А.И. Таурова не было, то он счел нужным вломиться ко мне.

Вскрытие музея в октябре 2014-го (оригинальная мебель – на месте!)

Я привел эту цитату, чтобы использовать формулировку Р.Э. Классона: г. Шпиндлер (по-видимому, некий комиссар от советских органов) вел себя как в завоеванной стране. Примерно так же ведет себя и руководство ТГК-3 (генерирующего осколка «Мосэнерго»), которое подчиняется Газпром энергохолдингу (Газпрому). Хотя бы в отношении станционного музея, куда мы с отцом еще в советские времена передали немало ценных экспонатов (дубовый стол, такие же два книжных шкафа с полкой-перемычкой, портрет Р.Э. Классона маслом, охотничье ружье, трость). Кому-то из начальников ТГК-3, может быть даже и его гендиректору Виталию Яковлеву, пришла в голову завиральная идея – объединить все музейные фонды электростанций и свезти их в одно место. Таковым оказался колледж Мосэнерго на Кировоградской улице (т.е. на окраине Москвы).

Сразу после захода Газпрома в ТГК-3 (2008 г.) директор ГРЭС-3 Е.А. Михеев выдержал несколько атак московских эмиссаров на музей Р.Э. Классона, вообще закрыл его для посещения (уже в 2009-м, на 95-летие станции, мы с братом Андреем Ивановичем не могли туда попасть), а самые ценные экспонаты укрыв в сейфе. Но ничего не помогло, по моей информации музей сравнительно недавно раздербанили окончательно и экспонаты увезли в Москву. При этом руководство ТГК-3 даже не поставило в известность потомков Роберта Эдуардовича, не говоря уже о том, чтобы войти с ними в переговоры. Для газовиков, новоиспеченных энергетиков, главное – сократить «непроизводственные издержки», к каковым они отнесли и расходы на содержание сего «непрофильного актива». Хотя эти расходы составляли, по-видимому, не более одной миллионной в эксплуатационных издержках ГРЭС-3. А мы (потомки) предложили бы, например, передать экспонаты в недавно образованный Электрогорский музей, который расположился в историческом здании – доме правления «Электропередачи».

Вскрытие музея в октябре 2014-го («портрет маслом» Р.Э. Классона – на месте!)

«Как в завоеванной стране» Газпром энергохолдинг ведет себя не только в Электрогорске. Из моей реплики в «Живом журнале» от 15 марта 2012 г.:

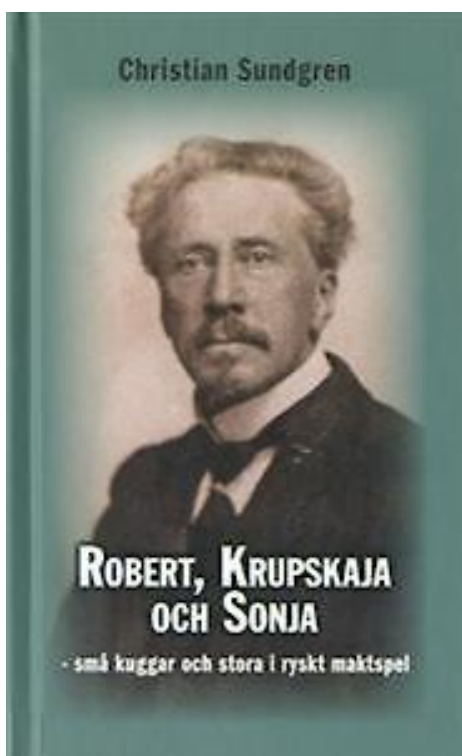
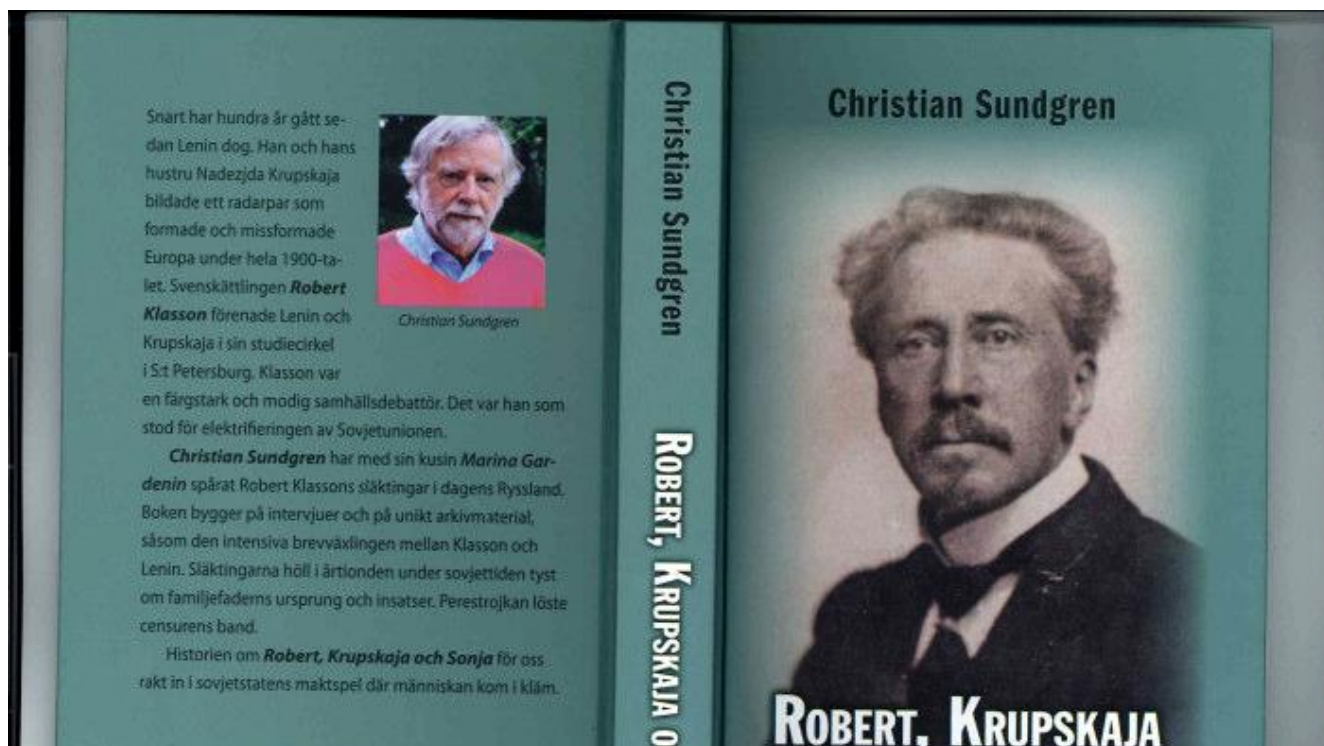
Но вот бизнес-поведение дочки Газпрома – Газпромэнерго нельзя назвать иначе как лихим ковбойским (и это еще самое мягкое определение). За 4 года численность сотрудников Мосэнерго (нынешней чисто генерирующей компании, после «разделения по видам деятельности» в соответствии с «реформой по Чубайсу») сократилась с 19 тыс. до 7,5 тысяч! Урезали и продавали, прежде всего, «непрофили» – физкультурно-оздоровительные комплексы, пионерлагеря, даже офисные здания. Избавились от медсанчасти на Садовнической ул., которая была заведена еще до Октябрьского переворота 1917 года.

Продали офис на Раушской набережной (выкинув заодно портретную галерею всех директоров Общества электрического освещения 1886 г. – МОГЭС – Мосэнерго) – зачем он нужен, когда гендиректор может управлять компанией из здания Газпромэнерго у м. «Юго-Западная»? При этом пропала бесценная библиотека с технической литературой объемом в 32 тыс. книг! А из здания в доме 30 по Садовнической улице вывезли все экспонаты музея Мосэнерго и его архивы, свалив все это бесценное добро в подвал Энергетического колледжа на Кировоградской улице.

Михаил Иванович Классон, инженер-гидроэнергетик

Кстати, в августе 2014-го Е.А. Михеева уволили, но до конца этого года так и не стало известно, куда же подевались ружье и трость Роберта Эдуардовича?.. 31 декабря 2014-го позвонил нынешний зам главного инженера В.Е. Орлов и сообщил – ружье нашлось! Через год он сообщил о том, что нашлась и трость!!

Книга К. Сундгрена «Роберт, Крупская и Соня», 2012 г.

В ноябре 2014 года автор, пытаясь найти в Интернете следы прадеда Марины Михайловны Гардениной (она утверждала, что этот прадед Сундгрена «приехал [в конце XIX века] в Россию с Нобелем и разрабатывал нефть в Баку»), случайно набрел на нынешнего Сундгрена – Кристиана, который давно обещал написать нечто об Р.Э. Классоне и о «ленинской электрификации» и наконец-то издал книгу под заголовком «Robert, Krupskaja och Sonja: små kuggar och stora i ryskt maktspele» [(«Роберт, Крупская и Соня: небольшие кубики в крупной игре российской власти»)].

К сожалению, его труд на шведском языке пока не переведен на английский (и к тому же не выложен в Интернете). Но мы все же попытаемся понять содержание книги «Роберт, Крупская и Соня» из рецензии, опубликованной в журнале Экономического общества Финляндии «*Ekonomiska Samfundets TIDSKRIFT*» (2013, №1, pages 93-95 – www.ekonomiskasamfundettidskrift.fi/est/files/est_1_13_net.pdf):

Кристиан Сундгрэн (2012)

Роберт, Крупская и Соня – маленькие кубики в крупной игре российской власти
Издательство Sahlgrens

Человек, который электрифицировал Россию

Это был целый ряд случайностей, которые заставили Кристиана Сундгрэна заинтересоваться своим близким родственником Робертом Классоном, инженером-шведом, работавшим в царской и советской империях. Когда режим Сталина надвинул [\[на советскую Россию\]](#) тяжелую плиту, официальная историография оказалась сильно искаженной. То же самое происходило и в семьях, где люди опасались говорить о прошлом. Поэтому с начала 1990-х, после падения советского режима, появились многочисленные интересные и важные истории. История Роберта Эдуардовича Классона – это важная деталь головоломки в экономической истории России, которая пока не до конца изучена. Сундгрэн сделал культурное достижение, выведя на историческую сцену этого человека, после многих десятилетий замалчивания. Он получил доступ к архиву Классона и был в состоянии сделать интервью с его потомками. Эту книгу, безусловно, стоит прочитать.

Дедушка Роберта Классона был шведом, его отец пришел в Россию через Эстонию, в то время как его мать была немкой. Классон хорошо знал языки – судя по всему он владел шведским и немецким, это помогло его успешной карьере как инженера, особенно в пожилом возрасте. Германия оказалась на этот раз той страной, которая позволила продвигать технологии [\[в царской России\]](#). [\[Здесь\]](#) Классон получил подготовку в качестве инженера-электрика и [\[поэтому\]](#) стал играть центральную роль в электрификации страны, когда индустриализация начала изменять сильно отсталую экономику. Он был заинтересован во внедрении современных разработок и внедрил, например, трехфазный ток. Когда дело дошло до распространения электроэнергии, Москва и Санкт-Петербург оказались впереди других мировых метрополий. То же самое происходило с добычей нефти в Баку, когда за счет усилий Классона эти технологии оказались более продвинутыми, чем в США. Все это время он воевал против коррумпированной бюрократии, в том числе и при советском режиме.

Роберт Классон занимался также «политической деятельностью», что можно объяснить ключевым значением энергоснабжения в первые годы Советской власти. Столкновение между динамичным экономическим и промышленным развитием и бывшими царскими, почти средневековыми учреждениями создало такую напряженность, которая со временем стала невыносимой и привела к бунтам. Большая часть интеллигенции страны была марксистами, кто предвидел глубокие изменения в обществе и считал их неизбежными. Классон ощущал вначале [\[определенный\]](#) настрой в кругах потенциальных революционеров. Он организовал кружок [\[по изучению марксизма\]](#) в Санкт-Петербурге, где Ленин и его будущая жена, Надежда Крупская, впервые встретились. Близкое знакомство с Лениным и его окружением конечно было огромным активом Классона в его работе по электрификации страны [\[уже в советское время\]](#), поскольку оно помогало ему в борьбе со все более навязчивым [\[централизованным\]](#) планированием и властной бюрократией.

Переписка между Классоном и Лениным, впервые опубликованная [\[в книге\]](#), является уникальной. Ленин находит время, чтобы лично отвечать Классону, на его сообщения об административных неурядицах, это говорит о [\[высоком\]](#) статусе последнего в начале возникновения советского общества.

После смерти Ленина и захвата власть Сталиным стали возникать проблемы для развития компании [\[какой, МОГЭС или Гидроторфа? – МК\]](#) по разумному пути увеличения [\[эффективности? – МК\]](#). Это было не лучшим вариантом, когда откровенный полемист Классон экономическую и техническую эффективность всегда ставил выше политической [\[целесообразности\]](#). Жесткая бюрократизация экономики процветала на всех уровнях, это казалось [\[большевиком\]](#) более важным для управления, чем [\[сама\]](#) работа. Он умер неожиданно, сразу после критического выступления на совещании в ВСНХ 11 февраля 1926 года. Если бы этого не случилось, он [\[все равно\]](#) не прожил бы достаточно долго в сталинском СССР.

О частной жизни Классона, каким человеком он был, Сундгрэн, понятно, не знает так много. Это было слишком давно, но еще живы свидетели и [\[сохранилась\]](#) его переписка по работе и по борьбе с бюрократией. Образ, который возникает, это простой и храбрый человек, поэтому не застряйте в кресле из-за того, что он [\[\(Сундгрэн\)\]](#) рассмотрел различные вопросы [\[непереводимая шведская идиома – МК\]](#). С учетом того, что инакомыслие в СССР могло быть смертельным [\[для диссидента\]](#), это более великолепно, чем это может показаться нашему времени.

Учитывая то, что он [\[\(Классон\)\]](#) проделал, зачастую в трудных условиях, он выглядит харизматичным мужчиной и великолепным организатором.

Он также, кажется, был хорошим семьянином, однако, пометим для протокола, что он оставил свою жену из-за другой женщины.

Структура книги является особенной, потому что она содержит три истории, которые переплетаются друг с другом. Помимо истории о Классоне, автор описывает также, как фон, русское революционное движение в последнее десятилетие царского режима. Наконец, он описывает свои встречи с последними потомками Классона [\[из микрорецензии в Adlibris: Кристиан Сундгрэн вместе с кухней Мариной Гардениной нашел его родственников, живущих сегодня в России – МК\]](#). Мнения людей всегда отличаются по поводу того, что может быть уместно в контексте и какие приоритеты должны быть. В заключительной части [\[слишком много\]](#) отведено места Ленину и его приспешникам, при этом иногда теряется немного сцепление с главным персонажем, Робертом Классоном, а изображение его живых родственников не добавляет много к портрету Классона и его поступкам. Тем не менее я думаю, что книга стала бы беднее без описания личных красочных впечатлений того, что осталось от семьи [\[Классона\]](#). Поэтому никоим образом книга не может быть более трогательна, чем в нынешнем варианте.

Книга не является, очевидно, научной диссертацией, хотя часть ее имеет научную ценность, как документация важной части экономической истории России. Она, вероятно, была бы еще полезнее при более точной документации источников. При немного большей настройке работы из книги можно сделать также учебное пособие. Но это вряд ли было намерением автора.

HANS C. BLOMQUIST

Не будем здесь придираться к автору по поводу не критичного повтора разнообразных, все еще живучих мифов о Р.Э. Классоне. Главное, это то, что книга о нем пришла к шведскому и финскому читателю. Стоит она не очень дорого – около 23 евро, возможна и 10-процентная скидка.

Пожелаем же Кристиану Сундгрону перевести книгу «Роберт, Крупская и Соня: небольшие кубики в крупной игре российской власти» на английский, а также разместить ее в Интернете, чтобы сделать доступной «массовому читателю». В частности, нам было бы интересно узнать о «небольшом кубике в крупной игре российской власти» – «Соне». В финской библиотечной ссылке на книгу (data.nationallibrary.fi/bib/me/W00611625900) указывается, что это «Sonja Morosov» (дочь С.Ф. Гарденина Софья Сергеевна Морозова?)*

Кстати, примерно в это же время, 13 марта 2013 г., влиятельная шведская газета Ryska posten опубликовала материал «Vem var Robert Klasson?» («Кем был Роберт Классон?»), причем за подписью своего редактора Стефана Линдгрена. Мы не откажем себе в удовольствии перевести на русский его статью (напечатанную с фотографией довольно молодого Р.Э. Классона – взятой из наших биографических очерков?):

Конечно, не многие шведы, даже знакомые с историей, знают имя Роберта Классона (1868-1926). Тем не менее, именно в его доме Ленин встретил свою будущую жену Крупскую, с которой прожил тридцать лет, и имел больше влияния, чем все остальное на русскую революцию. Классон, который стал одним из инженеров-энергетиков, после Октябрьской революции способствовал реализации обширных государственных проектов электрификации. Коммунизм = советская власть + электрификация, – сказал Ленин. Теперь, наконец, добрались до биографии о знаменитом выходце из Швеции [очередной миф – его отец Эдуард Классон был выходцем из Прибалтики!], книгу написал его дальний родственник, финский швед Кристиан Сундгрэн (Роберт, Крупская и Соня – маленькие кубики в крупной игре российской власти. Издательство Sahlgrens, 2012).

Фото из газеты Ryska posten

---

* Проверка Интернета в январе 2018-го показала, что книга так и осталась «местечковым», финским изданием на шведском языке. Зато под редакцией г-на Сундгрена в 2008-м вышла переведенная с шведского на финский книга о его тете Эльне Сундгрэн-Ждановой «Письмо из Сибири»

(www.booksfromfinland.fi/2009/06/elna-schdanoff-christian-sundgren-kirje-siperiasta-a-letter-from-siberia/).

Книга является и поучительной, и развлекательной. Сундгрэн опросил шесть других потомков Классона, и из разговоров с ними выводится также картина развития [советской плановой экономики] после смерти Роберта.

Классон начал технологическую карьеру как студент в Петербурге, не в Германии, и далее реализовывал различные проекты в Петербурге, Москве и Баку. Его великое творение возникло в 1912 году, это торфяная электростанция «Электропередача», за пределами Москвы. Здесь вырос целый небольшой город, сегодня он называется как Электрогорск (а был период, когда поселок носил имя «Классон» [поселок носил имя «Электропередача», а имя Р.Э. Классона присвоено электростанции!, в то же время в Рязанской обл. был поселок Классон]), и во многом стал образцовым.

Классон не был большевиком, но он дружил с Леонидом Красиным, а другой [большевик] Ленин повернул его симпатии к революции. В любом случае, он видел свой долг, как техник – его задачей было как можно быстрее вращать колеса, даже под новым режимом, и по возможности быстрее [по-видимому, это шведская идиома – МК]. Классон входил в «Центральный электротехнический совет» под руководством Красина. Он описал энтузиазм, с каким здесь работали [приводим по оригиналу, а не в переводе с шведского – МК]:

ЦЭС работает почти бесплатно, <...> после сорока заседаний, после рассмотрения, следовательно, нескольких десятков крупнейших электротехнических вопросов член ЦЭСа получит 6 000 рублей, то есть может купить фунт сахара по довоенным ценам [(15 копеек)]. Ясно, что не эта оплата труда заставляет участников ЦЭСа посещать заседания, приходить пешком с разных концов города [(Москвы)] и приезжать из Петербурга, а интерес к реальной работе. Никто не мешает работе ЦЭСа, она протекает совершенно спокойно, и в этом заключается объяснение того, что она столь плодотворна. Пример ЦЭСа подтверждает, что техническая интеллигенция отнюдь не чуждается государственной работы, и что для привлечения ее к таковой нужно создать только мало-мальски благоприятные условия.

Классон стал ответственным в комиссии по разработке государственной схемы электрификации (ГОЭЛРО), и отвечал за увеличение производства электроэнергии в Московском регионе через 10-15 лет, что и было успешно выполнено [но уже без Р.Э. Классона – МК].

Одна из самых увлекательных глав книги посвящена переписке между Классоном и Лениным в 1920-22 годах. Ленин активно поддержал линию Классона сделать ставку на так называемый гидроторф, гидравлическую добычу торфа.

Но были и разногласия между ними. Ленин упрекал Классона за то, что он “по-видимому, слишком много времени потратил на «бессмысленные мечтания» о реставрации капитализма и не отнесся достаточно внимательно к крайне своеобразным особенностям переходного времени от капитализма к социализму.”

Классон ответил [опять же цитируем по первоисточнику – МК]:

Я вполне признаю справедливость упрека, что я не сумел приспособиться к условиям переходного периода. Но думаю, что дело не в мечтах о «реставрации», а в том, что я, всю жизнь проработав в области строительства и созидания промышленности, не мог без боли и обиды видеть разрушение промышленности и гибель интеллигенции. Мне казалось, что переход к организованному общественному производству мог бы совершиться менее болезненно для страны, если бы была привлечена техническая интеллигенция, в очень значительной степени аполитичная. И теперь, по моему убеждению, восстановление экономической жизни всецело зависит от активного участия и от роли, которая будет предоставлена людям дела и опыта.

Для них новая, более высокая организация производства должна дать больший простор и больший размах деятельности. Но это, вероятно, станет возможным лишь тогда, когда улягутся политические страсти, и вопрос о партийности деятеля сменится вопросом о его деловитости.

В 1921 году Ленин снова просит Классона предоставить «точные предложения о помощи Гидроторфу»:

Немного виноваты и Вы в том, что упущен 1921 год. Смотрите, не пропустите 1922-го.

Ленин упрекал Классона:

Почему Вы в Германии не дали премии 10-50 тыс. руб. золотом за изобретение способа обезвоживания?

Спустя два месяца Классон написал Ленину:

С большим удовлетворением я могу сообщить, что вопрос об обезвоживании торфа заводским путем нами за последнее время разрешен совершенно бесспорно, притом простейшими средствами (нам нужны только гипс и старые железные стружки).

В марте 1922 года Ленин написал [опять же цитируем по первоисточнику – МК]:

Благодаря моей помощи, Вы теперь получили то, что необходимо для Ваших работ. При всей нашей бедности и убожестве, Вам сверх ранее выданных сумм, ассигнованы еще крупные суммы. Строжайше озаботиться:

1) чтобы не сделать чего-нибудь зря,

2) чтобы не размахнуться больше, чем это позволяют отпущенные средства,

3) чтобы опыты, Вами произведенные, получили максимальную степень доказательности и дали бы окончательные ответы о практической и хозяйственной пригодности нового способа добывания торфа,

4) обратить сугубое внимание на то, чтобы велась отчетность в израсходовании отпущенных Вам сумм. Отчетность должна быть поставлена так, чтобы можно было судить о стоимости добываемого торфа.

Классон по-прежнему осуждал злоупотребления и бюрократию. Но во все времена он, похоже, сохранил свою веру в творческие возможности человека. В 1924 году он написал в статье (газета «Экономическая жизнь») [цитируем по первоисточнику – МК]:

Надо работать не за страх, а за совесть, надо глубоко интересоваться делом, надо любить его и жить его интересами. Но вместе с тем, надо, чтобы человек, добросовестно работающий, создающий нечто новое из обломков прошлого, не боялся того, что за каждую ошибку, которая всегда возможна при работе, его будут беспощадно обвинять, совершенно не считаясь с тем большим делом, которое он делал. Для того, чтобы не ошибаться, есть только один способ – ничего не делать, и, к сожалению, то исключительное внимание и бесконечная требовательность, которая предъявляется именно к случаям ошибок, пугает огромное большинство.

Stefan Lindgren

По-видимому, г-н Сундгрэн черпал информацию о Р.Э. Классоне из достаточно сухих источников. Например, в 1999 г. он подарил автору этих строк ксерокс главы о ГОЭЛРО из книги: Schlögel Karl. Jenseits des Grössen Oktober. Berlin, 1988. И там была краткая справка об Р.Э. Классоне. Прочитать книгу М.О. Каменецкого в оригинале г-н Сундгрэн все же не мог, поскольку русским не владеет (скорее всего, он нанимал переводчиков на шведский). В том же 1999-м наша беседа с ним шла через «переводчика» на английский и с английского, нашу общую родственницу Екатерину Владимировну Кондратьеву.